

Алексей Сухих

*Красная
розочка*

Рассказы и повести

Алексей Сухих

**Красная розочка.
Рассказы и повести**

«Издательские решения»

Сухих А.

Красная розочка. Рассказы и повести / А. Сухих —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749113-0

Это книга о любви. Автор уверен и утверждает своим творчеством, что только любовь между мужчиной и женщиной двигает наш мир к лучшему. В любви случается много непредвиденного и даже печального, но настоящая любовь, даже если не привела к единению, оставляет радость от того, что человека охватывало это чувство необычайного подъёма его души, когда он был готов лететь в огонь. И лучшие порывы души согревают человека всю его жизнь.

ISBN 978-5-44-749113-0

© Сухих А.
© Издательские решения

Содержание

Красная розочка	6
Волны Иссык-куля	13
Месть	22
Джудьба	28
Бельская	31
I	31
II	33
III	35
IV	38
V	41
VI	43
VII	47
VIII	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Красная розочка

Рассказы и повести

Алексей Сухих

© Алексей Сухих, 2016

© Алексей Сухих, фотографии, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Алексей Сухих

Тебе двадцать, а мне восемнадцать...
Не года, а жемчужная нить.
Коль не нам, так кому же влюбляться?
Коль не нас, так кого же любить!
(студенческий фольклор)

Красная розочка

Мне было уже больше чем тридцать три года. Я один раз развёлся и жил не по плану, а как получится. В начале солнечного и жаркого июня месяца занесло меня в приятельский дачный дом в уютной небольшой деревеньке, где я занимался ничего не деланьем. И в один из дней стал разбирать пластинки пятидесятых, устанавливая их одну за другой на проигрыватель, не глядя на этикетки. И только по мелодиям раскладывал на две кучки – понятно зачем. И вдруг после Утёсова, Шульхенко, Виноградова неожиданно сочный чувственный голос певицы на ужасно ломаном русском запел: «Как у нас в садочке, как у нас в садочке роза расцвела... И любовь как роза тоже расцвела... Я не хочу больше ждать, поверь, что я тебя лублю... Красную розочку, красную розочку я тебе дарю...» Я посмотрел на диск. Гелена Лоубалова, чешка, пела про любовь. Мне пела...

Тогда мне было шестнадцать с половиной. Был тёплый конец августа.

Я только три дня назад возвратился после двухмесячного изнурительного вкалывания на сельской стройке в «дикой» бригаде, где заработал полторы тысячи рублей. Эти большие деньги мне были нужны для приобретения вещей, на которые не было статей в скромном бюджете моих родителей. И сейчас я стоял вместе со своими друзьями Виктором и Николаем из параллельного класса у райотдела милиции. У левого бедра на тонком ремешке у меня покачивался элегантный фотоаппарат «Зоркий – Лейка», выглядевший не хуже чем кортик у морского лейтенанта. А на левой руке блестели позолоченные часы с такой же центральной секундной стрелкой – последний крик часовой моды. Продублённое двухмесячным пребыванием под солнцем бронзовое лицо и прочие не закрытые одеждой части тела, контрастно оттенявшиеся белой рубашкой, делали меня в глазах моих друзей мужественным и сильным. Да я и сам ощущал, что за лето повзрослел и начал вызывать интерес у встречных незнакомых девушек. Да и время пришло. Мы десятиклассники. И у милиции стояли потому, что получили новенькие паспорта и стали официальными гражданами Советского Союза. И мы все трое стояли и рассматривали свои паспорта.

– Это я-то гражданин, – засмеялся Колька и сунул паспорт в карман. – Не пойти ли, граждане, мяч погонять, пока лето не кончилось.

– Ну, уж нет! – ответил Витька и ещё раз внимательно перелистал паспорт. – Гражданами, да ещё Советского Союза просто так не становятся. Дело, как я понимаю, пахнет керосином. У кого что в карманах?

– Не надо по карманам, – остановил я друзей. – У меня после покупки этих безделушек кое-что ещё осталось. Две бутылки портвейна за мной.

– А портвейн нисколько не хуже футбола, – гоготал Колька. – Так же весело.

– У взрослых должны быть свои развлечения, – заявил Витька. Он всегда был выразителем мнений в нашей компании и делал заключения. – Что мы как мальчишки! Футбол, рыбалка, лесные похождения. Много вы видели взрослых ребят, которые так живут. Вот сейчас допьем, поболтаемся по улицам и в горсад на танцевальную веранду. Сегодня пятница. Оркестр играть будет. Правда, Лёнька! – обратился он ко мне. – Ты со своими часами и камерой всех девчонок завлечёшь. Тебе уже пора девушкой обзавестись. Маринка по тебе вся исстрадалась...

– Да ладно тебе, – смущённо протянул я.

Витька немного хитрил. Ему очень нравилась хорошенькая Марина из моего класса, а она его вниманием не одаряла и была очень мила в общении со мной. Во всех девятых и десятых классах в школе крутилась повальная любовь. И если десятиклассники всегда были отделены от остальных школяров своим статусом, то у младших постоянно горели лица от переглядываний, записок и шушуканий в кружках на переменах и после уроков чаще школьники

расходились парами, а не кучками. И Николай, и Виктор нашли своих девочек, и вечерами их было нелегко отыскать. Девчонки моих друзей были подругами и по-дружески сообщали мне о девчонках, которые были бы согласны со мной познакомиться. Но я только улыбался в ответ и говорил, что ещё не созрел. Но это была неправда. Любовь горела во мне. Я много читал и был романтиком по натуре и самовоспитанию. Десятки романов о всепоглощающей любви и невероятных приключениях и подвигах всех времён и народов прокручивались моим сознанием, и я каждый раз пропускал действия героев через себя, совершая необыкновенные подвиги во имя своих прекрасных дам. Наказывал злодеев и подлецов, и кидал к ногам своих возлюбленных свои победы и отдавал им своё верное сердце... И никак не мог вообразить, что могу подойти к нравящейся девочке и просто сказать ей: «Давай дружить!». Просто так, без всяких подвигов во имя и за. И как глубокий романтик жестоко отнимал у девушек их право любить мальчишек ни за что, без подвигов. И не понимал Маринку, считая себя совершенно недостойным её. И жил полный любви и, не влюбляясь после совершенно детской влюблённости. В третьем классе это было. Осенью в классе появилась новая девочка по имени Ира. Ирин в классе у нас не было. Правильное личико, тёмные волосы с кокетливым бантиком на голове, она отличалась от нас. Наверное, потому, что она откуда-то приехала, из неизвестного нам мира. Так и было. Её отца, офицера, перевели в наш военный объект. До неё я к девчонкам был равнодушен. Общался со всеми весело и не было у меня сомнений в том, чтобы подойти, дёрнуть за косичку, потом убежать или дать себя догнать и шутливо отбиваться... А тут нет!? Только соберусь выкинуть обычную шутку и... прохожу мимо. Духу не хватает. Я провожал её из школы домой, идя сзади метрах в триста и догадался, что влюбился. Приходил домой хмурый и задумчивый. Так дожили до весны. А в мае её отца снова куда-то перевели и Ира уехала. Я стоял недалеко от её дома, когда грузили вещи... Ира суетилась вместе со всеми, но меня не замечала. Потом грузовик ушёл. Подъехал открытый легковой ГАЗик. Семья вышла и разместилась. «Всё!» – сказал я себе. Машина тронулась и тогда Ира повернулась и с улыбкой помахала мне рукой. Поворот был близко – машина скрылась, газанув и пустив клубы пыли. Мне было грустно и радостно.

– Ну, ещё раз за граждан! – сказал Колька. Мы сдвинули стаканы и допили вино за свои паспорта.

– Прощай, детство, – подвёл черту Витька и мы пошли потолкаться в вечерней уличной суете.

Когда мы вошли в парк, уже смеркалось. Оркестр, сидевший в «раковине» на танцплощадке, доиграл весёлую «Рио—Риту» и затих. Оркестранты, должно быть, удалились покурить. Врубилась радиола шлягером сезона. Я не хочу (ударение на «о») больше ждать, поверь, что я тебя лублю... Красную розочку, красную розочку я тебе дарю!» На чрезвычайно ломаном русском, сочным чувственным голосом зарубежная певица пела о нетерпении любви. Кто кому дарил красную розочку было непонятно, но музыка и слова завлекали, а ломаный язык только прибавлял очарования. И вдруг на аллее появились две девушки и в вьющихся тёмных волосах одной из них сверкала натуральная красная розочка.

– Лёнька! – дёрнул меня за руку Витька. – Смотри. Красная розочка, самая настоящая.

Он произнёс эти слова громко, почти крикнул. Девушки оглянулись на нас. У Красной розочки были яркие голубые глаза. Она улыбнулась, и мне показалось, что улыбка направлена только мне. Ещё мгновение и девушки пропали в толпе.

– Лёнька! – повторил Витька. – Это же сама любовь. Пойдём знакомиться.

– Не суетись. – остановил его Николай. – Сейчас наши девочки появятся. А тебя, Лёнь, он сплавляет, чтобы у Маринки надежд не осталось и она на него обратила внимание..

– Всё равно, идём на площадку. А вдруг она нездешняя.

– Я не пойду. У меня голова нетрезвая, – сказал я. – Удачи вам.

Когда я выходил из парка, на площадке снова запустили «...я тебя люблю» и девушка с красной розочкой в волосах и голубыми глазами показалась мне самой прекрасной из всех кого знал, о ком мечтал...

Десятый класс ворвался полуоткрытой дверью в большую жизнь. Преподаватели разговаривали с нами вежливо. Мы вели себя степенно. Многие девушки завели себе взрослые причёски. Мальчики стали появляться в галстуках. Неосознанная ещё грусть сквозилась в лицах в предверии неминуемого расставания и таяла в лучах любви. Любовь влетала в классные комнаты, как сквозняк. Влюблены были все. И я тоже. В незнакомку, в «Красную Розочку». Я знал «Незнакомку» А. Блока наизусть. И возвратившись из парка, где я её увидал, я достал томик стихов и стал писать «свою незнакомку с красной розочкой», соединяя её с песней. Бедный Блок! Я исписал тетрадку и сжёг её. Но каждый вечер моё перо снова и снова марало бумагу в моей безумной надежде найти слова, которым веришь сразу без оглядки. Я верил, что найду эти слова. Я мечтал. Я был влюблён в реальную прекрасную незнакомку.

Главным развлечением в маленьком городке было кино. И я, и многие недоросли любили смотреть кинофильмы по выходным дням на детских сеансах. Это было дешевле. А фильмы для детей показывались те же самые, что и для взрослых на вечерних сеансах. В то время кинопрокат выкинул на экраны огромное количество зарубежных фильмов без дубляжа с титрами, первый из которых информировал, что «фильм взят в качестве трофея из германского кинофонда». Трофеи были произведениями мирового кино и кинофильмы пользовались непрерывным успехом. Большой зал ДК на шестьсот мест заполнялся до отказа шумной публикой от самых малых до самых взрослых, и было приятно от непосредственного восприятия малолетней публикой событий на экране. Правда, надо было успеть пробиться в густой толпе вовремя в зал и занять приличные места, т.к. места в билетах не проставлялись на эти сеансы. Пока числился в «малышне», это удавалось не так часто. Но старшеклассникам это было сделать не трудно. И я сидел в первое воскресенье после начала занятий в лучшем ряду в центре зала, придерживая на всякий случай два места для кого-нибудь из друзей или знакомых. И глазел по сторонам в их поиске, когда услышал низкий девичий голос:

– Извините, у Вас свободные места?

Я поднял глаза на голос. Из прохода на меня смотрели голубые глаза «Красной Розочки». Прошло всего несколько дней после стремительного обмена взглядами в парке, но она и та же её подруга, что была с ней в парке, наверное, не помнили этого и голубые глаза смотрели на меня равнодушно – вопросительно с одним только желанием занять свободные места в переполненном зале. Был сентябрь моего десятого школьного года. В марте мне исполнялось семнадцать...

– Да, миледи! Эти места для Вас, – сказал я скорее смущённо, чем развязно, как мне хотелось бы сказать, привлекая слово «миледи». Но девушки улыбнулись и быстренько побежали проползая через набитый телами ряд на мои свободные места. Едва они облегчённо опустились на кресла, как свет погас и зал отключился на два часа от обыденной жизни.

Я сидел чуть дыша. Моя мечта сидела рядом. Фильм назывался «Остров страданий». На экране стремительно раскручивался увлекательный сюжет героической и приключенческой жизни капитана Блада. В местных библиотеках не было романа «Одиссея капитана Блада», который я прочитал значительно позднее. И всё на экране было неизвестно, и захватывало. Я переживал за Питера Блада, она за Арабеллу. В какой-то миг наши руки прикоснулись, и я держал её тонкие пальчики до конца сеанса. Экран погас, включился яркий свет. «Красная розочка» повернулась ко мне, и в её сочных голубых глазах я увидел, что не очень соответствую экранному герою. Руки наши разъединились, но она улыбнулась:

– Я часто смотрю фильмы на этих сеансах, а Вас мы никогда не видели.

– Наверное, я был до этого ещё маленьким, – нашёлся я. И она снова улыбнулась. Мы уже шли в толпе к выходу. На улице я проводил девушек до ближайшего перекрёстка, и мы успели представиться друг другу. Я сказал, что буду рад занимать для них места в кинозале на этот сеанс. «Красную розочку» звали Людмилой.

Вечером я снова писал стихи, привлекая в помощь уже Пушкина с его Людмилой. А утром был понедельник и на школьной линейке директор объявил, что восьмые, девятые и десятые классы направляются в колхозы для уборки картофеля и прочих работ, с которыми могут справиться руки и головы его учеников. Всем было приказано разойтись по домам и явиться через три часа одетыми и собранными для длительного пребывания вдали от дома. Когда я снова появился у школы, её окружала толпа разнокалиберной молодой поросли готовой к труду и обороне. Наш класс стоял кружком в центре которого мой дружок по парте, лабух и оркестрант духового оркестра в ДК Юра Коротков играл на аккордеоне только что появившуюся песню «Сиреневый туман». «...над нами проплывает, над тамбуром горит вечерняя звезда. Кондуктор не спешит, кондуктор понимает, что с девушкой я прощаюсь навсегда...». Маринка, ах Маринка! Подхватила меня под руку и затолкнула в круг, встав рядом. И мелодия и слова щемили души десятиклассников. Маринка прижимала мою руку, а меня щемило сорванное свидание на сеансе через неделю и то, что случится ли оно в другой раз. «...А может навсегда ты друга потеряешь... Ещё один звонок и поезд отойдёт». Телефонами тогда население не было обеспечено. Была полная отключка связи в моём случае.

В сельхозработах с отъездом из дома наш класс участвовал в третий раз и ничего нового не было. Разве что мы были уже взрослыми и могли сделать побольше, чем малышня. Через четыре недели ученики вернулись за парты. В моей записной книжке, исписанной стихами от корки до корки, уже были строчки со словами, в которых я находил «...и ветра свист, и drobный шум дождя, и которым можно верить без оглядки...» Красная розочка» стояла в моих глазах каждую секунду с кем бы я ни был и чем бы я не занимался. В первое же воскресенье по возвращению я сидел в кинозале и ждал. И девушки появились, заулыбались, увидев меня. Людмила помахала мне приветственно ручкой и через минуту мы уже радостно обменивались новостями. Она также была на картошке и похоже, что про моё несходство с капитаном Бладом она давно позабыла.

Она училась в 1-ой школе и жила в том же районе и шла на год моложе. Я в тех краях бывал редко, оттого и не встречал её. Но кино, как великий волшебник, познакомило и соединило нас. И юные нетронутые сердца откликнулись на взаимный призыв и загорелись. Я и сейчас помню все наши часы, проведённые вместе. Она не была красавицей, но была такой милой приветливой симпатюшкой, что невольно хотелось улыбнуться ей и сказать ласковые и приятные слова... Даже нашей братвы музыкальный наставник из ДК, встретив меня с Людмилой на бульваре, сказал мне потом:

– У тебя очень приятная девушка. Взгляд ласковый, а глаза, что небо ранним майским утром.

Это была моя рыцарская любовь, любовь поклонения прекрасной даме. «Порой слуга, порою милый... И вечно раб!» – писал Александр Блок И это были я и Людмила Я не осмеливался ей говорить про любовь словами. Я только преклонялся. Приносил ей последние осенние цветы и целовал пальчики. И мы бродили допоздна долгими субботними вечерами по тенистым, а чуть позже по заиндевелым улицам или сидели на лавочках или выходивших на улицы крылечках. И нам так было быть вместе мило, что теряли чувство времени, а потом, напуганные приливом нежелания расставаться, отталкивали себя от себя и разбегались, считая минуты до следующей встречи. А по воскресеньям смотрели кино. Мы тянулись друг к другу и отталкивались. Несмотря на моё «рыцарство» я был строптив и не равнозначен. А Людмила выросла в настоящую женщину и оба, вероятно, мы становились личностями, не желающими растворять своё я без остатка. Иногда она пропускала назначенные встречи. Телефона не было.

Вход к ней в дом я не имел. Просто, УФ!? Но если не было субботы, был киносеанс в воскресенье. И её сочные голубые глаза улыбались мне. И я, рыцарь, склонялся к её пальчикам.

– Тебя теперь и не найдёшь, – возмущаясь, говорили Виктор и Николай. – Мы же видели тебя с Красной розочкой. Сам познакомился, а от нас скрываешься. Да и втроём с тремя девушками уже компания. Веселее. Познакомились мои друзья с ней на новогоднем балу. В ДК всегда проводился веселый бал – маскарад, скорее карнавал. О котором восторженно рассказывали старшие, а младшие мечтали о нём. Карнавал длился до раннего утра. Большой зал освобождался от кресел, и в центре зала стояла огромная разряженная и сверкавшая огнями ёлка. На сцене играл местный джаз и шли непрерывные выступления талантов и желающих отличиться. Вокруг ёлки в масках и без масок кружились пары. Бал гремел во всех залах и этажах. Не было закутка, где бы не веселились. Люда легко вошла в круг моих друзей и узнала, что она «Красная розочка». Новогодняя ночь прошла как сказка. В утренних сумерках мы расставались у подъезда её дома. Как обычно я поцеловал её пальчики и сказал:

– Очень хорошо было. Правда!

– Правда! – сказала Людмила. И вдруг её губки, как крылья бабочки коснулись моих губ и тут же её каблучки застучали по ступенькам крылечка. У открывшейся двери она обернулась и воздушный поцелуй полетел ко мне. Вернувшись домой под счастливый вздох матери, я упал в постель, но заснуть не мог. Прикосновение губок моей прекрасной дамы сказало мне, что я не только раб, а и милый.

А вечером на заснеженной безлюдной аллее парка она подлетела ко мне и упала на грудь в полной уверенности, что я её поймаю. И я поймал, и первый настоящий поцелуй любви соединил нас. Первый новогодний вечер был тёплым. Мы никуда не пошли. Нам никого было не нужно. И мы безмятежно целовались до утра.

– Ты противный, – говорила Людмила. – Пальчики целуешь, а глаза свои не можешь поднять, чтобы в моих глазах увидеть, что я хочу.

– Я глупый рыцарь.

– Ты должен быть умным рыцарем

– Я люблю тебя, Красная розочка.

– Вот так намного умнее, чем говорить разные глупости, в которых ни слова про любовь.

– Я всегда буду любить тебя!

– Я хотела бы этого...

– Ты навсегда останешься Красной розочкой. Ты поверила, что я тебя «люблю»

– Не поверить было невозможно.

И снова затяжной поцелуй. Природа мудра. Целоваться мы с Людмилой научились мгновенно.

– Твои мальчики говорили, что ты пишешь стихи. Напиши для меня!

– Уже написал...

– Прочти.

Пролетели зимние каникулы. Быстро полетели и последние школьные месяцы. Мы с Людмилой были неразлучны и только вместе появлялись на дискотеках, в кино, на катке. Все в школе знали, что незанятый Лёнька пренебрёг «своими» и нашёл «чужую» девочку. И наши девчонки махнули на меня рукой. Я стал им неинтересен, и лишь Маринка ещё поглядывала на меня как-то укоризненно. Но я действительно был от неё совсем далеко.

И пришла весна и зацвела сирень. И были выпускные экзамены. Перед «русским письменным» Люда подарила мне красную розу. «На удачу», – сказала она. – «От Красной розочки». Я на отлично сдавал все десять положенных тогда экзаменов, и каждый вечер приносил Людмиле ветки белой сирени, которая пышно цвела в палисаднике моего дома. А когда сирень отцвела, распустились георгины. Цвели сады, цвела наша любовь и распускала шипы и прокалывала в кровь непреодолимая разлука. Все десятиклассники становились абитуриен-

тами и выходили в жизнь. А жизнь эта была вдали от нашего городка, и надо было его покидать. У меня уже лежал вызов в Ленинградское арктическое училище на конец июня и был заказан билет. Я оставался романтиком и хотел стать океанологом. Людмила сказала, что не против. Но мы ничего не загадывали. Любовь и только любовь безмятежная, бескрайняя, без раздумий владела нами. Виктор подал в военно – техническое авиационное, Николай в гражданский институт. Аттестаты 4-х выпускных классов нашей школы выдавали в ДК в присутствии родителей и гостей. Среди них была и Людмила. Я закончил отлично и на сцену за аттестатом был приглашён первым. Моя «Красная розочка» аплодировала мне вместе со всеми, но я видел только её.

Школьный бал гремел на всех трёх этажах. Работал буфет с вином и закусками. Я, Николай и Виктор сидели втроём прощаясь. Все разъезжались в ближайшие дни. Старый поляк, Эдмунд Эдмундович, преподаватель немецкого языка, неизвестно как попавший в наш, затерянный в просторах России, городок, подсел к нам. Выпив вина, он расчувствовался и путая польские, немецкие и русские слова, пожелал нам большой удачи. и доброго пути. Мы ещё выпили шампанского, обнялись и расцеловались. Затем мы пошли в зал, старый учитель присел и задумался о чём-то своём.

Я стоял у стены и смотрел на танцующих.

– Лёнька, – тронул меня подошедший Виктор. – Тебя Марина просила подойти.

– Ты же знаешь... – потянул я.

– Она просила, – вдруг резко повторил Витька и я вспомнил, что он к ней совсем неравнодушен, хоть и встречался с другой девушкой.

– То-то же, – сказал он, когда я повернулся, чтобы пойти. – И смотри у меня, если что.

Я подошёл к Марине. Нарядная и красивая она стояла одна. Увидев меня, встрепенулась и испытывающе взглянула.

– Вот и всё, Мариночка, – улыбнулся я. – Кончилось наше детство и детские шалости.

– Ты уезжаешь, как я слышала.

– Да, через два дня.

– И надолго

– Да.

– Жаль, что мы не стали близкими друзьями.

– Но мы друзья.

– Ты не сразу забудешь школу?

– Я никогда не забуду школу и своих друзей.

– Значит, ты будешь помнить и обо мне.

– Всегда!

– Потанцуй со мной.

Мы закружились в вальсе. От дверей за нами следил Витька.

– Прости меня, Марина, я ухожу.

– Я знаю. Тебя ждёт твоя девушка. Я видела... И вспоминай обо мне. Ладно.

Я подвёл её к Виктору.

– Развлеки девушку. Я должен, – и ушёл. Витька показал мне вслед кулак.

Я уехал в Ленинград, унося с собой грустневший взгляд Людмилы и уверенность в будущее. Через три недели я был зачислен курсантом и отправлен в лагерь на предучебную подготовку. И только тогда отправил первое письмо любви. Ответом была одна строчка: «Люблю и горжусь! Красная розочка».

В короткий отпуск я приехал в конце января. И был принят Людмилой в её домашней обстановке. Предполагая, что впечатление на родителей было приятное, она, десятиклассница, в эти несколько дней и в школу не ходила. Мы были неразлучны как сиамские близнецы и стро-

или планы. Она решила, что поедет поступать в Ленинград, но ещё не решила – куда. Я говорил, что буду там с ней, и мы победим, и будем учиться рядом, а потом... «И я тогда стану твоей», – говорила Людмила. В грёзах рисовался «Эдем».

А потом... оказалось так, что я больше не увидел Людмилу. В конце июня она получила аттестат и сообщила мне, что отправляет документы в университет и мечтает о встрече. Я ждал её как ангела. Но в середине июля наш курс был отправлен на неплановую морскую практику и я расстался с ней «без руки и слова», только написал короткое грустное письмо и пропал в северных морских просторах почти на три месяца. Вернувшись в Ленинград, я не нашёл в почте ни одного письма от Людмилы. Телеграммы и письма мои остались без ответа. Доверенных друзей не было. Николай и Виктор были на учёбе. Николай в одном из писем вскользь отметил, что в конце августа видел несколько раз Людмилу с молодым офицером, окончившим нашу школу на два года раньше нас. И это была вся информация. Было не по себе. Морских курсантов ленинградские девушки привечали, но я не принимал участия в весёлых приключениях друзей-курсантов и отвлекал себя глубокой учёбой и писал стихи о «прекрасной даме». Я не хотел думать о плохом, я любил...

И снова короткий зимний отпуск Счастливым случаем – Витька с Колькой тоже в отпуске. Больше этого не повторилось. Мы взрослые. Кольке двадцать, нам с Витькой по девятнадцать. Мы сидим в ресторане: Виктор с самолётчиками в петлицах, я с якорями, Николай с накрахмаленным воротником при галстуке. Ребята со своими девушками из нашей компании. Обе они студентки. Со мной была Марина. Я встретил её на улице. Она не прошла по конкурсу на дневной и сейчас обучается на заочном филологическом и работает в редакции районки. С Виктором они стали друзьями. Мы все рады друг другу и за столом у нас весело. Про Людмилу в общем разговоре никто не вспоминает. Со мной о ней разговаривал каждый в отдельности. Я слушал всех и, улыбаясь, отшучивался. Я получил информацию от её первой подруги, к которой зашёл сразу же по приезде. Люда срезалась на приёмных экзаменах, и это было не удивительно при том наплыве желающих учиться. Самые пресамые отличники сходили один за другим. Но она была горда и очень переживала. Угнетало её и то ещё, что не было меня. И написать мне было некуда, не поплакаться. Она вернулась домой и захандрила. Как-то моя собеседница вывела её на дискотеку. К Людмиле подошел только что произведённый в офицеры красивый лейтенант. И вправду говорят, что от тоски и от любви лучшее лекарство другая любовь. «Я думаю, – сказала лучшая подруга, – что она засчитала себя неудачницей, а тебя не было, чтобы поцелуями её разуверить и в слабости оступилась. А через месяц они расписались. Ни мои, ни родительские уговоры не изменили её решения. „Я не могу предстать перед моим рыцарем травиатой. Он любит красную розочку и пусть красная розочка останется с ним навсегда“. И не думаю, что она счастлива. Так много слёз пролила при расставании».

Я отказался от адреса Людмилы, предложенного её подругой и оставил на память о себе в блокноте подруги четыре строчки, которые написал совершенно не веря, что так может произойти:

Цвели сады, туманы таяли.

Зарю вечернюю встречал рассвет...

Туманы таяли, а мне оставили

На сердце трещину в семнадцать лет!

И крутилась спустя годы старая пластинка, растревожив зарубцевавшуюся трещину: «... поверь, что я тебя люблю. Красную розочку, красную розочку я тебе дарю!»

Волны Иссык-куля

Было что-то удивительно – неповторимое и прекрасное в этом море – озере, в его бес-предельных сливающихся с небом далях, в кристально чистой голубой воде, такой прозрачной, что казалось можно сосчитать все песчинки на его дне. Озеро притягивало к себе людей и даже мимолётно, взглянув на него только раз, никто не мог ни забыть, ни равнодушно отвернуться от этого чуда природы.

Генка не был исключением. Он часами просиживал на берегу и без усталости смотрел в голубые дали, туда, где небо сливалось с водой и уже за этой линией виднелись как бы висящие в пространстве, белые шапки гор Тянь-Шаня. Генка никогда ещё не был на море, хотя за свои семнадцать лет исколесил немало дорог.

После смерти матери он не расставался с отцом, которого бросала в разные края бродячая судьба топографа. Но в этот раз ему круто повезло. Он кончил школу, отец принял его на работу в топографический отряд и дал перед работой месяц отпуска в награду за хорошее окончание учёбы (шутит, конечно) Но всё сходилась в точку. Отряд стоял на берегу озера в Ананьево. И не дать сыну отдых после школьных выпускных было бы для отца просто неприличным поступком. И Генка балдел. Море, волны, пусть редкий, но белый теплоход на горизонте, теплая прозрачная вода, полутропическая жара и белые шапки вечных снегов на вершинах гор. На берегах сотни и тысячи беспечных радостных отдыхающих и ему уже семнадцать лет и он не школьник, а рабочий, способный зарабатывать деньги. Он уходил из лагеря с первыми лучами солнца, освещавшими из – за гор верхушки облаков и приходил, когда все мирно спали. Никто в отряде не видел, когда он ел и спал. И только отец, дождавшись его однажды вечером, пожурил слегка и спросил, улыбнувшись:

– Ты что, влюбился, может?

И Генка, блеснув своими зеленовато – серыми глазами, мечтательно прищурился и сказал совсем серьёзно:

– Да!

– Смотри, старик, нам влюбляться нельзя. Мы народ кочевой, – сказал отец и ласково потрепал его вихрастую голову. Помолчал немного и ушёл, больше ничего не сказав.

Было раннее утро. Солнце только начинало подниматься и с лёгкой шалостью ребёнка затеяло игру в прятки с маленькими тучками, сгустившимися на краю неба. Чистый прохладный воздух ещё синел в провалах гор. Его синева спускалась вниз и сливалась с бесконечной голубизной озера. Всё вокруг было голубым.

Генка сидел в маленькой лодке, которую брал у одинокого старика, жившего в домике на самом берегу озера. Дед любил говорить, Генка умел слушать. Так они и подружились. Генка стал заходить к нему и дед, влюблённый в озеро, рассказывал ему удивительные истории, происходившие на его берегах. У деда была лодка. Сам он редко брался за вёсла, разве что, когда рыбки хотел половить, и лодка стала постоянным спутником скитаний Генки по озеру.

Лодка слегка покачивалась на набегавших волнах. Генка сидел, смотрел вдаль, слушал несмолкаемый рассказ волн, и ему казалось, что он понимает этот бессловесный разговор и неоформленные мысли уносились вслед за волнами, за их странствиями к далёким берегам. Он так задумался, что не заметил, как подошла Таня.

– Генка... – негромко позвала она.

Он, погружённый в себя, не шевельнулся. Тогда Таня на цыпочках подобралась к лодке, вставила в рот два пальчика и пронзительный залихватский свист разрезал утреннюю тишину. Генка вскочил, как будто его выбросила пружина. Лодка закачалась, и он едва удержался на ногах.

– Спишь, противный. – Таня бросила в лодку сумочку, из которой высовывались различные свёртки с провизией, забралась сама и скомандовала:

– Отдать концы!

И видя, что Генка не торопится, кинула в него горстью воды.

– Эй, команда, три наряда вне очереди!

Генка выпрыгнул на песок, оттолкнул лодку от берега, на ходу заскочил сам и уселся на корме. Таня взялась за вёсла.

Таня была самостоятельная девочка. Всего на год старше, она командовала Генкой как хотела. Она и познакомилась с ним сама. Генка, как он сам признавался себе, никогда бы не решился подойти к такой красивой девушке, а она, по его мнению, была самой красивой девушкой на всём побережье. Чуть вздёрнутый нос, широко расставленные серые глаза, один из которых она очень часто прищуривала, и тогда лицо её принимало удивительно задорное и лукавое выражение. Коротко обрезанные тёмные волосы и нежные полные губы дополняли эту «до ужаса симпатичную мордашку», как заявил ей однажды Генка в неожиданном для себя порыве храбрости.

Они познакомились на дальнем мысу, который одиноко и гордо вдавался острой песчаной полосой в море. Перед самым краем мыс прерывался сотней метров воды глубиной до пояса и заканчивался небольшим островком. С тех пор, как Генка завладел лодкой, он часто уезжал туда с утра, пропадая до самого вечера. Там никого никогда не было, и он чувствовал себя своеобразным Робинзоном. В этот день он сидел у самой воды и продумывал свои, одному ему известные планы. День клонился к вечеру. Он уже собирался покинуть свою обетованную площадку, как услышал:

– Эй, мальчик, это твоя лодка?

Удивлённый появлением неожиданной феи, Генка глядел во все глаза на виновницу разрушения его уединения и ничего не говорил.

– Ты, почему не отвечаешь! Может, у тебя языка нет?

Она была в лёгком платье, босиком. Маленькая соломенная шляпка закрывала её лицо от солнца, и вся она светилась в его лучах, и вся она была, какая-то невесомая и, как показалось Генке, совсем неземная жительница. Генка заулыбался. Она тоже улыбнулась.

– Так что же ты молчишь?

– Откуда ты появилась? – вопросом отвечал он. – Здесь никого никогда не бывает.

– Так уж и никогда. Я же появилась, – и, понизив голос, таинственно прошептала: – Слушай, ты никому не скажешь? Я убежала.

Оправившись от неожиданности, Генка спросил:

– За тобой гонятся?

Она рассмеялась.

– А ты парень с юмором. Мне это нравится.

При слове «парень» у Генки расширились плечи, и он стал чуть выше.

– Только я устала и хочу есть, – сказала Таня – Если ты отвезёшь меня к нашему пляжу, я буду очень благодарна.

– Ты хочешь есть? – он бросился к лодке, и через минуту они оба уплетали колбасу с хлебом, запивая холодной ключевой водой, которую Генка, наученный походной жизнью, неустанно таскал с собой и прятал от солнца. Когда они поели, Таня прищурилась и сказала:

– Слушай, друг, – ты мне начинаешь нравиться. Держи «лапу», знакомиться будем. – И протянула ему маленькую с длинными тонкими пальчиками руку. Генка протянул свою и осторожно сжал девичьи пальцы.

– Ты что, раздавить боишься? – засмеялась она и с силой сжала ему пальцы. – Благодарю за тёплый приём в столь уединённом месте. – Глаза её смотрели лукаво. Генка сжал её руку в ответ.

– Ну и отлично! А теперь поехали. – Таня уселась в лодку.

Генка уже научился прилично грести. Лодка шла ровно, чуть покачиваясь на небольших волнах. Таня сидела на корме, опустив одну руку в воду. Лицо её было задумчиво, даже хмуро.

– Интересно, ты убежала и почему-то торопишься вернуться назад? Разве так убегают? – нарушил Генка тяготившее его молчание. – И почему ты решила убежать? В лагере не так уж и скучно. Я иногда захожу туда, веселые мальчишки, девочки, музыка.

– А ну их всех весёлых, – равнодушно и немного раздражительно сказала Таня. – Они мне надоели. Все на один манер, болтают одинаковые глупости и лезут целоваться. Скучища...

– Разве целоваться скучно?

– Ха! – презрительно фыркнула Таня. – Ты что, тоже хочешь целоваться со мной. А я уж подумала...

– Я? – Генка смутился. – Я не знаю, скучно ли это..., – он посмотрел на сидящую перед ним девушку и покраснел. Так уж получилось в его мальчишеской биографии, что он не целовался с девочками «по-настоящему». Дружил, провожал, влюблялся, но никому не сказал, что любовь переполняет его, а поцелуй ему представлялся верхом любви и он не мог просто так взять и полапать.

– Что не знаешь? Ты что, не целовался с девочками? И чему тебя учили в школе!? Может, ты и маму не целуешь?

– У меня нет мамы, – глухо сказал Генка и отвернулся.

Тихо шелестели волны о корпус лодки, негромко бурлили вёсла, мягко грело вечернее солнце. Генка грёб все также равномерно и молчал.

– А знаешь, Гена, мне сегодня захотелось побыть одной, совсем одной, чтобы вокруг не было ни души, и даже немного хотела заблудиться. Я долго шла по берегу и думала, что никого не встречу. И набрела на тебя. – Как-то доверчиво сказала Таня после молчания.

Кажется, ты не очень огорчился.

– Ещё бы! По воде здесь не так далеко.

– А мне надо было все же вернуться во-время. Мама будет беспокоиться. А ты что тут делал?

– Да так. Люблю, когда никто не мешает, – улыбнулся Генка. Облачко грусти покинуло его, и он снова посмотрел на Таню весело и приветливо.

– Так я тебе помешала?

– Нет, нет, я очень рад! – и оба рассмеялись.

Генка отвёз Таню в лагерь. Пока плыли, он узнал, что они с матерью приехали на Иссык—Куль из Алма—Аты, что она год уже работает на какой-то неинтересной работе, успела запутаться в каких-то жизненных вопросах и сейчас пытается обрести спокойствие. Он рассказал ей о себе, и с того раза Таня каждое утро находила его на берегу. Он был немного удивлён, что она с такой лёгкостью забросила привычный круг друзей и проводит всё время с ним. Но ему не лезли в голову всевозможные причины, о которых он и понятия не имел, что они бывают, и был свободен от дурного настроения. И был счастлив, что нашёлся друг, понимающий его во всём. Их отношения напоминали скорее дружбу двух мальчишек, деливших меж собой и радость и обиды, чем дружбу юноши и девушки. Они весело и беззаботно облазили все окрестности, добирались до вечных снегов, катались на лодке, объезжали «дикого» осла и воплощали в жизнь всё, что создавало их безудержное воображение. Они были так молоды, что всюду для них находилось и новое, и интересное. Лишь иногда на Генку накатывалось незнакомое томительное чувство, когда он смотрел на Таню, но обычно предлагалась новая отчаянная выходка, и он забывал обо всём. Всё вокруг было ослепительно и прозрачно.

В этот день они собирались поехать на «свой» мыс и встретились пораньше. Таня научилась прилично управлять вёслами, и лодка шла ровно.

– Генка, тебе нравится жизнь? – неожиданно спросила она.

– Конечно! – не задумываясь, ответил он. По правде говоря, он никогда и не задумывался над этим. Он жил и всё. Ему всегда нравилось всё, что его окружало. Ему нравился город, где он родился и рос, его школа, и места, где он бывал с отцом, и работа отца, и люди, которые его окружали. И он сказал удивлённо?

– А почему ты об этом спрашиваешь? Разве ты чем-нибудь огорчена? – спросил Генка и с неожиданной остротой вдруг вспомнил её беспричинную задумчивость среди звонкого смеха, её тускнеющие глаза в этот момент и то, что она с усилием отгоняла смутившую её мысль.

– Просто у тебя всё время смеющаяся морда, – ответила Таня. – Тебе всё нравится. Отчего?

– Наверное, потому, что ты здесь, со мной.

– Правда? – Таня прищурилась. – Я тебе нравлюсь?

Вопрос был прямой, и Генка заёрзал от неожиданности. Он никогда даже себе не признался бы в том, что Таня ему нравится не как друг... Он всегда отгонял от себя эту мысль, если она и приходила ему в голову, и сейчас растерялся.

– Чудак, лодку перевернёшь. Если я тебе нравлюсь – не стоит из-за этого меня топить.

Генке стало вдруг жарко. Он вскочил, крикнул: «Танька, ты самая, самая лучшая...». И прыгнул в воду. Брызги разлетелись во все стороны, когда он вынырнул. Лодка раскачивалась далеко в стороне, и солнце блестело ему прямо в глаза. Он зажмурился, и ему казалось, что оно подмигивает ему, подбадривает.

– Будь смелым, Генка, – передавало своими лучами солнце.

– Будь сильным, – шелестели волны.

– Славная девочка Таня, – подмигивало солнце.

– Плыви скорее к ней, – шептали волны.

Генка перевернулся на спину. Синее, синее небо было над ним. Его глубина сливалась с глубиной моря и отражалась двойным сиянием. Волны перекачивались через Генку, ласкали, убаюкивали.

– Генка... а...а...а, – слышался вдалеке голос Тани.

– Слышишь, это она зовёт. Плыви скорее к ней, – ласкалось море, – не заставляй ждать, плыви.

– Генка, ну что же ты? – раздался над ним голос Тани. Он перевернулся в воде. Она сидела в лодке прямо над ним, серые глаза смотрели на него красивые и близкие.

– Таня!?

– Ай, ай, Генка! То меня хотел утопить, то сам решил утопиться. А ну, марш в лодку и без фокусов. Бери вёсла и раз...

Генка грёб. Злые брызги вылетали у него из под вёсел и лодка неслась едва касаясь воды. Казалось, волны сами несут её. Он ждал, что Таня скажет что-то другое, что он и сам не представлял, но только не станет смеяться над ним, а она... А она молчала. И Генка грёб, уставившись себе в ноги, и лодка неслась, и ему казалось, что волны шептали: «А как же так выходит, Таня?»

Таня смотрела в это время на Генку, и лукавые обычно глаза её были только красивые и добрые.

– Стоп машина! Приехали.

Лодка с ходу врезалась в песок. Таня выскочила, повернула корму на берег.

– Генка, а Генка, – позвала она. – Приехали.

Он сидел в лодке, смотрел вниз и сжимал вёсла.

– Генка, глухой! – смеялась Таня.

– Чему она радуется, – думал он, – Ей весело, что я... что она поняла, что я... И сколько раз себе говорил, что и думать не надо. Дружим, и отлично! А тут сболтнул и вообразил, что она должна как-то откликнуться. И естественно, она права и ей весело видеть мою дурацкую рожу, и она смеётся надо мной. А я так глуп, что переживаю. Хотя, что я ей скажу... Один, побыть одному... Генка выскочил из лодки и, не взглянув на Таню, быстро, почти бегом зашагал вдоль берега.

– Генка, ты куда? – удивлённо крикнула ему вслед Таня, но он не оборачиваясь уходил дальше и дальше.

– Пусть смеётся, – думал он, – пусть. Пусть я не такой, как те ловкие мальчики из лагеря и не умею сказать слова, какие они говорят не задумываясь... Каждое из таких слов мне кажется таким значительным, что сказав его, я должен быть навсегда с той, которой его сказал... И что же мне теперь делать... – Он упал на песок и раскалённые высокогорным солнцем песчинки обожгли его опалённое зноем и вырывающимися слезами лицо. – Пусть смеётся... – шептал он. – Пусть – И выкатившиеся слезинки перехватило и высушило горячее дыхание берега.

Был полдень, когда он вернулся к лодке. Таня лежала в тени приподнятой на один бок лодки, закрыв лицо своей соломенной шляпкой.

– Генка, это ты? – окликнула она, когда скрипевший песок под его ногами достиг её слуха. – Ты зачем убежал, разве я тебя обидела? Молчишь! Ты злой и сделал мне очень больно.

– Я! Тебе? Да я... – задохнулся Генка.

– Что ты?

– Да так, ничего, – Генка вспомнил свои «песочные бдения» и решил быть выдержанным.

– Слушай, ты сказал, что «я самая лучшая в мире!». Это правда?

Генка кивнул

– Я ничего не слышу. Почему ты не отвечаешь?

– Таня, ты самая хорошая девочка в мире, – сказал Генка. Помолчал и добавил. – И если тебе нравится, то можешь смеяться. Я больше не буду убежать.

– Мне нравится, – сказала Таня. – Подойди ко мне.

И когда он подошёл и присел рядом, она откинула шляпу, обхватила обеими руками коротко стриженную Генкину голову, притянула к себе и крепко поцеловала его в обветренные губы. Потом оторвала от себя его ничего не соображающего, замутившегося и легонько оттолкнула. От толчка он перевернулся через себя, потом ему пришла мысль, что на руках ходить удобнее. Сердце его отчаянно колотилось, ему казалось, что удары эти слышны на другом берегу и чтобы как-то унять охватившее волнение, он кинулся в спасительные волны. Таня засмеялась и прыгнула за ним.

Время, место, пространство, Таня стали для Генки неразделимы. Волны Иссык—Куля и небо, день и ночь, утро и вечер соединились в одно целое. И в центре всего была Таня.

– Генка, очень любишь меня?

– Не знаю.

– Как не знаешь? – тревожно сказала она, улыбка медленно сошла с губ, лицо стало жёстким и усталым.

– Нет, нет. Не то и не так. Я ещё не знаю, как представить слово «люблю». Его так часто повторяют. Если это то, что хочу всегда видеть тебя, смотреть в твои глаза, исполнять любое твоё желание, если по одному взмаху твоих ресниц я готов пойти куда угодно и на что угодно, если я не представляю завтрашний день без тебя, без этой улыбки и этих глаз, лукавых и ясных, как иссык—кульский день. Я хочу взять тебя на руки и нести через эти горы и равнины, через

время. И если всё это вмещается в короткое слово «люблю», я готов повторять его каждое мгновение. Я люблю тебя, Таня, очень люблю.

– Поцелуй меня, Гена.

Однажды Генка не приходил на берег весь день. Таня бродила по берегам одна, сердилась, скучала, беспокоилась, снова сердилась. Он пришёл вечером, усталый, поцарапанный и счастливый.

– Противный мальчишка, где ты пропадал? Отвечай сейчас же и только правду.

– Вот, – сказал Генка и протянул Тане тройку эдельвейсов бережно укутанных в стельки суховатых заоблачных трав.

– Генка..., – только и сказала она, и пропащий день её снова заискрился блёстками. И столько нежности было в глазах, что Генка мгновенно утонул в их глубине. Он сразу позабыл, как дрожали его коленки, когда он никак не мог нащупать надёжную опору на вертикальной скале, забыл, как пробирался под ледяной струёй водопада, забыл, как обломился ненадёжный сучок и он улетел в колючие кусты. В это мгновение он готов был бегом пробежать все скалы Тянь—Шаня, собрать все эдельвейсы и усыпать ими эту девушку, лучше которой быть не может.

В отряд как обычно, он пришёл поздно. Его поджидал отец. Он сидел на чурбаке, опустив руки на колени и задумчиво смотрел на огонь догорающего костра.

– Пришёл, старик! – сказал отец, заметив появившегося из темноты Генку. – Долгонько изволил пропадать.

– Ну и что!?

– Да так. Давно тебя не вижу, – и кивнув на обрубок дерева рядом с собой, добавил, – садись.

Генка сел и посмотрел на отца. Тот сидел, медленно потягивая дым из прокуренной, выдавшей вида трубки и всё также внимательно смотрел на огонь. Он сидел не шевелясь и думал о чём-то своём. Взгляд у него был безучастный, отрешённый. Генка впервые вдруг осознанно заметил седину в волосах отца густо заполонившую могучую отцовскую голову, глубокие морщины, прорезавшие лоб и усталость тяжёлых надёжных рук, сжимавших сейчас маленькую старую трубку. Генка всегда видел в отце мужественного сильного человека, который был примером ему во всём и никогда не думал о нём как просто о человеке с обычными для людей поступками и страстями.

– А ведь и он кого-нибудь любит? – неожиданно подумал Генка и вспомнил как он, неизвестно почему, не хотел видеть женщину, часто появлявшуюся у них в доме несколько лет назад. Отец тогда мало с ним разговаривал, бывал мрачен. А потом женщина перестала появляться.

– Неужели я был виноват, что отец не женился больше? Эх, отец. Разве можно обращать внимание на капризы таких глупышей, как я! – Генке так стало жаль отца, что он позабыл о себе и о Тане

– Вот так, старик, – раздался голос отца. – Я же тебе говорил, что нам нельзя влюбляться. Придётся проститься тебе со своей русалкой. Завтра уходим за Каракол, на другую сторону озера и тебе надо будет включаться в работу.

– Как уходим! Почему уходим? Я ничего не знаю.

– Да так уж. Не хотел тебя тревожить, а ты ничего не замечал.

И отец снова отвернулся к костру, думая о чём-то своём, далёком. Так думал о нём Генка и был полон бурей противоречий, закрутившихся в нём, в которых перемешалась жалость к отцу, жалость к себе от ожидаемой и неожиданной разлуки с только что обретенной любовью, и боль за оставляемую также неожиданно для неё в полной непонятности Таню.

– Я на берег, – отец, скоро вернусь, – крикнул Генка и скрылся в темноте.

А отец думал не о себе, а о нём.

– Эх, Генка, – думал он. – Вот и ты повторяешь меня. И тебе приходится уходить от любви. А дождётся ли тебя твоя любовь? И если нет, если не было любви, тебе всё равно будет казаться, что виноват ты и долго ещё будешь вспоминать об этой потерянной мечте. А может, всё будет иначе, и тогда ты будешь вспоминать день разлуки как первый из дней, который тебе надо прожить перед будущей встречей.

Генка летел к лагерю, где жила Таня, в ужасе. Они ни о чём не задумывались. Он знал, что она из Алма – Аты, она знала что он из отряда. Ни фамилий, ни адресов. Но палаточная база отдыха спала. Сторожа не позволили пройти. «Что же, завтра буду в шесть утра», – сказал себе Генка и вернулся в отряд.

Весь остаток ночи в тревожном сне Генка терял Таню. Она то убегала от него, то искала его, но они никак не могли встретиться. Он часто просыпался, чтобы подняться в шесть и слезть к Тане. А когда шесть пробило, он крепко спал. Проснулся он от настойчивого встряхивания за плечо. Над ним стоял отец.

– Вставай, и живо прощаться к русалке. Семь часов уже. Машины пришли, начинаем грузиться.

– Ты лучший в мире отец, – закричал Генка, обнял его и чмокнул в щёку. – Я вихрем Генка влетел в Танин лагерь, но его полёт остановил знакомый пацан:

– Не спеши. Она уехала на экскурсию в ущелье. Вчера вечером с турбазы пришли инструкторы, устроили шухер. В общем обставили, что это у наших горожан единственная возможность увидеть настоящие горы и все ринулись. Автобус за ними пришёл в пять часов. Так что жди до вечера.

Действительно, половина палаточных домиков были пусты. Генка попросил у паренька листок бумаги. «Таня! Я с отрядом ушёл на другую сторону озера. Вернусь. Жди. Отряд № .....управления.....кого края..., ...ов Геннадий...». Затем зашёл в домик и положил листок под вазу с цветами.

– Подскажи Тане, что я записку оставил, – сказал он своему знакомому.

С экскурсии Таня с мамой вернулись вечером. Действительно, всё было очень интересно и красиво. Но все очень устали и хотели спать.

– Я купнусь, – сказала Таня матери и убежала на озеро.

– Купнись, – сказала ей мать и подумала, что хоть сегодня будет дома, а не с этим неизвестно откуда появившимся сорванцом. Хорошо, что послезавтра уезжаем и вся озёрная любовь закончится. – Она поправила скатерть на столе и увидела записку. – Так... Ну, совсем хорошо. Он ещё и сам отвалил. А записку я вот так. – И она разорвала листок бумаги на мелкие кусочки.

Таня вернулась быстро, с мокрыми волосами, посвежевшая.

– Мама! Мне оставлена записка, ты не видела.

– Какая ещё записка!

– Мне сказали. Гена приходил утром.

– Ничего не знаю.

– А это, – Таня увидела клочки бумаги, которые мать не успела выкинуть со стола. – Зачем ты, мамочка. – Она опустилась на кровать и заплакала.

– Не плач, девочка, – присела к ней мать и обняла за плечи. – Он уехал, мы уедем. Было весело и хорошо. Он же совсем мальчик, а ты осенью выйдешь замуж...

– Никуда я не выйду! – сорвалась на крик Таня. – Не нужны мне твои женихи. Я Генку люблю. Учится пойду на геодезический. Ты уничтожила адрес. Такую тонкую ниточку. Так

я сама найду этот отряд. Это не иголка. Весь Иссык-Куль переверну... А тебя сейчас видеть не могу.

И бросившись на кровать, Таня завернулась в одеяло наглухо.

Мы предполагаем, нами располагают. И не обязательно люди. Обстоятельства! Говорят, что нет в мире ничего случайного. Генка сумел выбраться к Тане только через три дня. Перед лагерем он остановился, перевёл дыхание и медленно пошёл по аллее к домику Тани. Редкому семнадцатилетнему ложились такие тяжести на мысли и сердце. Он постучал по дощечке у входа. «Войдите..» Генка откинул брезентовый клин и вошёл. В домике за столом сидели две незнакомые девушки. Они были в лагере второй день и ничего не знали. А предыдущая смена уехала вся полностью. Генка оставил им все данные о себе и попросил дать знак по случаю.

Генка вышел из домика и прошёл к морю. Там он тяжело опустился на песок, обнял руками колени и так застыл. Жизнь у него не кончилась. Она остановилась.

Промелькнули быстрые южные сумерки. Берег и озеро скрылись в темноте и лишь прибой лёгким ворчанием предупреждал, что озеро живёт. Генка разбитый и опустошённый, медленно брёл вдоль берега. От безнадёжности ему хотелось плакать, но для слёз у него уже не хватало сил...

Из оцепенения его вывел звон гитары. Генка поднял голову. Прямо перед ним горел костёр. На перевёрнутой лодке в неестественных позах сидело с полдюжины ребят. Им было не очень удобно, но они мужественно переносили свой, отработанный на зрителя стиль посадки. Плечи, руки, ноги и всё, что могло двигаться – двигалось, вращалось, подпрыгивало. «Мы идём по Уругваю... ваю... ваю... – не совсем в лад с повизгиванием и урчанием вырывалось из их глоток, – ночь хоть выколи глаза а... а ...Слышны крики попугая, обезьяны голоса...» Генка вздрогнул. Ему вдруг стало физически противно от этого алкогольного повизгиванья, от этой песни, которую не так давно и он не без удовольствия подтягивал.

– Заткнитесь вы..., – хотелось крикнуть ему визжащей ораве, но он только махнул рукой и быстро пошёл прочь. А вслед несло — «...женщин нету и не надо... надо... надо... и без женщин можно жить...»

– Как всё противно! Какое счастье было быть в щемящей тишине с милой Таней. Где я тебя найду, Таня? Где ты?

К полночи появилась луна, озарив бледным светом мерцающие волны озера и силуэты гор. От берега вместе с волнами побежала лунная дорожка, сначала узкая, а дальше всё шире и шире, пока не заняла полгоризонта. В стороне от дорожки вода была тёмной и неподвижной, а здесь она быстро убегала вдаль, сливаясь с луной и бежала в пространство, к звёздам.

– Где же ты, Таня? – Генка упал в мягкую копну, долго смотрел на яркие крупные горные звёзды и, наконец, незаметно уснул крепким сном смертельно уставшего человека.

Проснулся он от толчка. Кто-то легонько толкал его в плечо. Он открыл глаза и увидел деда.

– Генка, а Генка. Ты что же в копне спишь? До деда не мог дойти. И уехал с отрядом, не зашёл проститься.

Генка обрадовался деду и виновато улыбался.

– Ну ладно. Вставай. Пойдём чай пить.

Они сидели на крыльце и неторопливо пили чай. Генка молчал, тоскливо поглядывая в голубые дали. Старик с шумом втягивал в себя чай с блюдца и загадочно шурился. Влив в себя изрядное количество ароматной воды, дед как бы невзначай, проговорил:

– А знаешь, парень, та девчушка, что с тобой на лодке каталась, приходила, однако, сюда.

Генка встрепенулся. Дед, не обращая внимания, продолжал :

– Скучная такая была...

– Она что-нибудь говорила?

– Нет, однако. Только попросила лодку, в последний раз, говорит, прокачусь и поплыла прямо туда. – И дед махнул в сторону их любимого мыса.

Оставив недопитый чай, Генка вскочил, схватил вёсла и кинулся к лодке.

– Куда, чертёнок? Она ничего не говорила, а записку оставила...

Но Генка не слышал. Он уже грёб, и руки его не знали усталости. Лодка выскакивала из воды и неслась, что называется, не дыша.

– Она была здесь, – шептал он. – Она была, она хотела меня видеть. Меня! Ему захотелось петь. Но вместо слов из груди вырывались хриплые звуки. – Она искала меня, – шептали пересохшие губы.

Генка выпрыгнул на песок. Ничего не изменилось за его отсутствие. Тот же берег, те же волны, бегущие в сверкающую даль. Разве какие-то камни на девственной отмели. Он подошел ближе и замер. Беспорядочное нагромождение камней слилось в стройные поющие слова. Генка зажмурилась, тряхнул головой, желая убедиться, что это не сон, снова открыл глаза и прошептал вслед за каменными буквами:

«Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, ГЕНКА!».

– Таня – это ты, – перебирал он гладкие горячие камушки. «Я люблю тебя», – перечитывал он бесконечное количество раз. «Люблю тебя!» – пели бездушные камни. «Люблю тебя» – шелестели волны. «Вы ещё встретитесь» – улыбалось солнце. Генка подошёл к самой воде. Волны мягко касались его ног и неслышно убегали. "Я найду тебя, Таня! Я выверну улицы Алма—аты наизнанку и найду тебя! – шептал он. – Ты любишь меня, и я люблю тебя». Генка отошёл к тому месту, откуда увидел поющие слова и ликующая радость вскинула его руки и сияющий взгляд к заснеженным вершинам гор.

– Я люблю тебя, Таня! – во весь голос крикнул Генка. «Люблю... Таня... а....а» – откликнулись ему далёкие горы. И Генкина любовь, пробежав по всем закоулком озера, поднялась выше, к облакам, и скрылась за белеющими вершинами гор..

Чолтон – ата – Фрунзе.

Месть

– Да брось, Лёнька! Зачем сходить с ума? Завтра же будешь жалеть об этом.

– Отстань!

Я кидал в чемодан рубашки, книги, сигареты. Женька сидел рядом и пытался меня образумить. Я его не останавливал, но не останавливал и себя. Небольшой нажим на крышку чемодана, щёлкнула защёлка.

– А всё-таки зря.

– Не думаю.

Пальто, кашне, шляпу натянул поглубже – вчера ударил мороз.

– Ну, Женя, увидимся в институте. Справку о практике отметишь. Будь здоров.

– Не дури, Лёнька!

Я хлопнул дверью и вышел. Я не мог больше оставаться в этом, в один момент ставшем мне неуютном южном городе, на этом, ставшем приземистым и серым заводе, ещё недавно казавшемся верхом технического совершенства, где мы проходили свою последнюю практику перед дипломом. Где в соседнем подъезде в такой же стандартной квартире – общежитии жила она. Нет, я не был зол на неё смертельной злостью, нет! Я просто не мог больше её видеть. Не мог. Боялся, что если увижу, то совершу что-то унижительное для себя. И потому бежал. Оставшаяся ещё неделя практики была для меня невыносима.

Поезд стучал колесами на стыках, вздрагивал на стрелках. Я не спал. За окном было темно, лишь сверкал снег в неровном свете прожекторов встречных поездов. «Так, так так...», – стучали колёса.

«Марина!? Маринка! Что же это? Почему?» Как глупо задавать такие вопросы. Но я ничего не понимал и понять не хотел, потому что необъяснимое необъяснимо.

Вчера она пришла к нам тихая, ласковая, сидела на кровати со мной в обнимку, а потом при ребятах сказала: «Кончились наши встречи, Лёничка. Я тебя люблю, но мы расстаёмся. Если сможете, не осуждайте», – сказала она всем. Поцеловала меня и ушла. Все обалдели. Мы три года были вместе. Ссорились, бывало, и расставались, но ребята неоднократно требовали кончать с игрушками и делать свадьбу. И на практику поехали вместе. И вдруг!?

Весь вечер ребята обсуждали ситуацию, но я замкнулся и утром решил уехать. Непонятность должно было разрешить время. И только Женька, мой корешок, всегда защищавший Марину, только хмыкал и не очень уверенно пытался отговорить меня от отъезда. Поезд стучал колёсами. Спать я не мог. Курил сигарету за сигаретой.

«Марина, Марина! А может я не прав, убегая. Может надо быть рядом и не отпускать от себя? Ведь она твоя любовь, Лёнька! И она тебя любит. Сама при прощании сказала! Марина! Я стоял перед окном, за которым мелькала ночь, а видел одну Марину. Её глаза улыбались мне, её глаза, мои любимые глаза, которые я столько целовал. Она была... О, как она была хороша! Марина... Воображение было настолько явным, что я не мог оставаться на месте. Пусть я совершу ещё глупость, но я вернусь. Я вернулся в купе – пальто, кашне, чемодан. Шляпу не нашёл в темноте. Остановить неразумность бегства и вернуться назад.

В тамбуре меня охватил морозный воздух.

– Молодой человек, Вам ещё далеко ехать... Простите, что с Вами? – остановил меня вышедший из своего купе проводник.

– Ничего... Извините...

Я посмотрел на проводника и побрёл назад. Вид у меня был, видимо, что надо. Проводник что-то пробормотал вслед. Я сумел лишь разобрать: «Напьются да выворачиваются». Это меня как-то успокоило. Если я похож на пьяного – то ничего. А что со мной? Ничего. Ничего, Марина Андреевна, ничего. Извините.

За время пути в родной город, окружающий мир потускнел в моём представлении, и жизнь не казалась радостной, как раньше, и вся вторая половина человечества представлялась уже не прекрасной и достойной поклонения, а просто биологической массой предназначенной для размножения. Любовь – выдумки поэтов. Пусть самки влюбляются в нас, пусть мучаются. Моё сердце всегда будет равнодушным. И чем больше будет огорчений у встретившихся на моём пути женщин, тем лучше

Ярость бурлила во мне. И пустота, полнейшая изнуряющая пустота охватила меня целиком. Я чувствовал, как выворачивают меня мои мрачные мысли. Чтобы как-то прийти в себя, я уехал на малую родину к родственникам отдышаться в тишине. Срок практики ещё не кончился и моего присутствия в институте никто не требовал.

В маленьком тихом городке меня приняли радостно. Целую неделю я не вылезал из четырёх стен. Радость и улыбки встречали меня каждое мгновение. Хмурость постепенно исчезла с моего лица и спряталась внутрь. Я начал приветствовать изредка появлявшееся солнце, целовался с пушистым ласковым псом, катался на лыжах и, падая, с удовольствием зарывался в мягкий искрящийся снег. Лежишь в снегу, один нос кверху, хорошо. Читал, что природа облагораживает человека, но не чувствовал. Сейчас что-то начал понимать.

Но природа – природой, а время – временем. Подходил Новый Год. Я отправился на базар за ёлкой. Подобрал подходящую ёлочку, заплатил деньги и направился к выходу. У ворот меня сильно ударили по плечу.

– Лёнька, чертяка, здорово!

– Саня, ты?

Передо мной стоял бывший одноклассник, несколько располневший, но всё с теми же покровительственными замашками, которые он выработал за долгое время старшинства над нами более молодыми, пока мы все не подросли.

– А кто же, ты думаешь! Он самый. А ты как здесь? Да ведь ты студент. Я вот армию отбарабанил, сейчас в милиции служу. Ну, как дела?

– Да так, ничего. Учёба вот к концу подходит.

– Инженером будешь?

– Надеюсь.

– Давно не видались, а?

От него немного попахивало спиртным.

– Да. Дороги наши не пересекаются, – довольно равнодушно ответил я.

Мой тон несколько озадачил его, но я действительно не испытывал радости от встречи и мне не хотелось что-либо вспоминать, а эта встреча, кроме воспоминаний вызвать ничего не могла. Я смотрел на него, но ничего не мог поделать с собой. Что-то он выбил из меня, и я потерял сразу всю лёгкость, накопленную за время пребывания здесь.

– Пойдём-ка выпьем за встречу, – напрямую попытался растопить лёд Саня.

– Спасибо, дорогой, но скоро Новый год, тогда и выпьем.

– Да что ты, друг или не друг?

– Друг, но я боюсь потерять ёлочку.

Маленькая зелёная ёлочка уберегла меня от моего немедленного падения. Но Саня вырвал у меня слово о встрече вечером в хорошей компании. Мы так давно не видались и вспоминать о приятных прошлых днях было неплохо. Он был нормальным парнем и действительно радовался встрече.

К вечеру я получил письмо от Женьки. Хороший он парень, мой Женька. Пишет, что Марина очень огорчена и встревожена моим отъездом, а с документами о практике всё в порядке. «Всё очень хорошо, – подумал я. – Она огорчена и встревожена. А чем она огорчена и встревожена?»

В назначенное Александром время я был на месте. И приветствовал собравшуюся компанию, в которой молодых женщин было больше, чем ребят. Кроме Саньки я никого не знал, но приняли меня даже несколько смутившей дружелюбностью. Как я узнал чуть позже, женская половина представляла единый и дружный медицинский отряд одной из больниц, определённо нуждавшийся в молодых людях. Не успел я стряхнуть с ресниц намёрзшие снежинки, как меня пригласили сесть, и подали красивую чайную чашку с водкой. «Крепко пьют», – подумал я про себя и спросил:

– А в честь чего я буду прикладываться к такой душистой пиале. Не слишком ли много здесь напитка, чтобы переводить его зря?

– Не беспокойтесь, молодой человек, здесь зря ничего не переводится. Сегодня пьют за меня.

Прозрачные серо-зелёные глаза блондинки, обратившей моё внимание в первую минуту, остановились на мне, улыбнулись слегка, а крепкая рука с тонкими пальчиками приподняла чашку.

– Сегодня день моего рождения.

Я посмотрел на Саню. Он поднял свою чашку и подмигнул.

– Меня зовут Леонид, – ответил я блондинке. – И я счастлив, что могу выпить за тот день, который подарил Вас этому миру и теперь, глядя на Вас, я вижу, что случай не ошибся. Я стукнулся чашкой с чашкой блондинки и выпил. И, улыбнувшись, добавил:

– Теперь Ваше счастье значительно полнее.

Она выпила свою пиалу, а отдышавшись, подошла ко мне и просто представилась:

– Меня зовут Нина.

Включили радиолу. Винные пары слегка закружили мне голову. Нежная мелодия заполнила комнату. От стоявшей в углу и ещё не наряженной ёлки разливался одурманивающий аромат влажного леса и внедрял в чувства приближение торжественной минуты прихода Нового года. Окружающие лица стали ещё милее и приятнее. Пиалы ещё и ещё были налиты и выпиты за здоровье Нины. Мне стало легко и свободно. Я танцевал со всеми подряд, нежно обнимал в танце каждую и говорил всем всякие хорошие слова. Нина попадалась в мои руки почему-то чаще других, а когда общий шум поутих, отчего-то её обнимал и говорил «моя милая».

Вечер только входил в силу. Не было ещё и десяти часов. Никто не чувствовал удовлетворения своего расхордившегося веселья. Когда кем-то был брошен клич, а не поехать ли всем на танцы в лесной клуб, то сборы были недолги.

На улице был лёгкий мороз, и ясная луна весело смотрела на новогоднюю землю. Мы шли по середине улицы и пели песни. Нина держалась за меня, но она прилично выпила и мне частенько приходилось её удерживать от крутых качаний, когда она наступала на ледышки, что удовольствия мне не доставляло. А толь от свежего воздуха, толь от поднимающегося раздражения за то, что согласился быть на вечеринке, голова моя проветрилась, и когда компания появилась в порхающем танцующими парами зале, я был совершенно трезв.

Несколько танцев я провёл с Ниной, но мне надоела её полупьяная болтовня и, передав её Сане, я скрылся на другой конец зала, где уютно устроился в кресле. Скрытое недовольство собой во мне росло, и я прямо так и чувствовал свой злой взгляд, когда поднимал глаза. Чтобы не показывать своё состояние, я начал смотреть вниз, на ноги танцующих женщин, пытаюсь по ножкам весь образ их обладательниц.

Со сцены объявили дамский вальс. Оркестр заиграл «На сопках Манчжурии». Мне всегда нравилась эта мелодия, особенно, когда её исполнял духовой оркестр, когда казалось, что ты в далёком – далеке, сам участник событий и сердце сжималось в чувстве невозвратно потерянного. Моё сердце и без этого вальса щемило от потери. Я подпевал про себя слова вальса и чуть притоптывал ногой в такт, когда перед моими глазами появились две стройные ножки, обутые в модные туфельки. Они неторопливо приблизились к моему креслу и остановились.

Я перевёл взгляд выше и обнаружил стройную фигурку, укутанную в голубое платье. Сердце моё ёкнуло в предчувствии, что я могу сейчас обидеть ещё одну особь женского пола.

– Можно вас пригласить на вальс? – произнёс мягкий низкий голос и одновременно нежные пальцы коснулись моей руки.

– У меня нет..., – жёстким голосом начал я и поднял взгляд вверх. На меня смотрели большие голубые глаза, удачно посаженные на милом смугловатом лице, обрамлённом тёмными волнистыми волосами. Она была молода, лет восемнадцать – девятнадцать, не больше. Её глаза чуть вздрогнули, и она напряглась в предчувствии удара. Но она была хороша.

– У меня нет возражений, – со всем возможным дружелюбием повторил я начатую фразу, поднимаясь с кресла.

Она мне понравилась, эта девушка. Я не отпустил её после вальса и приложил все свои способности, чтобы произвести впечатление и посеять смуту в её хорошенькую головку. Я даже сказал, что кончаю институт, и что у меня никого нет, с кем бы я мог делить одиночество в дальних краях. А что я буду в дальних краях, я был попросту убеждён после слов Марины. К концу вечера я знал, что она кончила техническое училище, что её зовут Галя, что ей девятнадцать лет, что она любит танцы и музыку и что ей очень хорошо сегодня. Последнее было для меня весьма приятно. В раздевалке на меня с укором посмотрела Нина, но я, приветливо помахав ей рукой, сразу же забыл о ней, укутывая новую красавицу.

Падали крупные редкие снежинки, блестящим ореолом окружая горящие фонари, которые чуть-чуть покачивались, гоня круглый пучок света по земле. Мы стояли на улице стандартных двухквартирных домов в тени оголённых акаций, и я нежно целовал Галочку в щёчки, глаза, губы. Как только поцелуй кончался, она упиралась руками мне в грудь и откидывала голову, как бы желая убедиться, что я не изменился. Я привлекал её снова к себе.

– Галочка, сегодня счастливый день. Что-то необыкновенное. Ни вчера, ни завтра я не мог придти в этот клуб. А пришёл сегодня, и ты оказалась именно сегодня. И ты едешь в город, где я учусь. И я буду встречать тебя там. Я покажу тебе его весь от вокзалов до окраин, его сады, парки, театры. Мы будем видеть друг друга часто, часто, каждый день. Правда, Галочка?

– Правда, – сказала она и вдруг, уткнувшись мне в плечо, заплакала самыми настоящими слезами. Несколько минут в непонятности я безуспешно пытался успокоить её и узнать причину такого отчаяния. Наконец, она подняла глаза полные неостывших слезинок, и сказала прерывающимся голосом:

– Как же я буду с тобой встречаться, если я приехала выходить замуж. И зачем я только к тебе подошла.

И она, обхватив мою шею руками, прижалась ко мне, тщетно пытаясь удержать рвущиеся рыдания.

Обалдев в первые мгновения от такого признания, я быстро оправился от шока, и в голове у меня прошумело.

– Гм... Занятно. «Моя» Марина тоже была почти моя невеста и кто-то или что-то у меня её уводит. Почему мне не увести чужую невесту хотя бы не на совсем. Ни у кого из моих друзей таких ситуаций не было, никто не рассказывал.

Насколько это было возможно, я успокоил девушку и, хлюпая, она рассказала всё по порядку. У неё что-то не ладилось с родителями и ей захотелось свободы. Подвернулся парень, и она кинулась на этот самый лёгкий для неё путь, устранявший все заботы. Жених её привёз сюда к матери до свадьбы, а сам уехал устраивать ей работу. После новогодних праздников должен был вернуться – и ЗАГС, и свадьба. Но ей одной было скучно, и она пошла с соседкой поразвлекаться. И тут появился я. Чем-то понравился и до неё дошло, что глупо в девятнадцать лет выскакивать замуж за первого предложившего, когда вокруг столько интересных людей.

Понемногу Галя успокоилась и доверчиво прижалась ко мне. Я поцеловал её в солончатые глазки и сказал:

– Ничего, Галчонок, ты пока ещё не вышла замуж, время есть всё продумать...

– Лёня. А мы встретимся?

В это время скрипнула дверь и на крыльцо дома вышла женщина.

– Галька, бесстыжая! Жених только что уехал, а она шашни заводит. А ну иди быстро домой!

Девочка моя сникла. Мне было и смешно, и грустно. Вспомнилась Марина. «А вдруг она приедет ко мне на Новый год? И никаких чужих невест с сомнениями».

– Не беспокойся, мамаша. Галя моя давнишняя знакомая. Должен я её был проводить, чтобы собаки не съели. До свидания, Галя! Будь счастлива.

И быстро пожав ей руку, я шагнул в темноту спящей улицы.

Сегодня тридцать первое декабря. Марина не приехала и не приедет. Кинула телеграммку: «Поздравляю, целую, Марина». Какой стиль!? Одна прелесть. Поздравляю – прелесть, целую – прелесть, Марина – прелесть. Я держу телеграмму в руках и перечитываю в который раз одни и те же слова. И с каждым разом снова поднимались всё чувства, которые я пережил в поезде, убегая от неё. И про которые почти забыл за время пребывания здесь. Когда я посмотрел на себя в зеркало и попытался улыбнуться, улыбка вышла кривой.

Позвонил Саня и пригласил на меня на встречу Нового года в дом культуры. «Девчонки обижаются на тебя, но готовы простить, – сказал он. Я сказал, что приду к одиннадцати на главный вход. К вечеру я привел себя в достойный вид, проводил старый год с родственниками и ушёл в ДК. Год наступал для меня определяющий.

У входа меня встретил Юрий, вручил пригласительный билет, сказал, что девчонки уже пришли. «Сам найдёшь, если виноватость почувствуешь». «Ты хороший друг, Саня! У нас с тобой договорённость на новогодний тост». Виноватости я не чувствовал. Пройдя через разукрашенный вестибюль, я сдал одежду в гардероб, повернулся к зеркалу и увидел её, невесту.

– Галя!

– Как хорошо, что ты здесь! – только и сказала она. Но как сказала. В её голосе отразилось всё, что может выразить человек, неожиданно получивший надежду в момент полнейшей безнадежности: радость, невероятность, огромное облегчение... Я вздрогнул от её голоса. Неужели она успела полюбить меня. Какая жестокая несправедливость. А впрочем, почему бы меня и не любить.

– Я верил, что увижу тебя до твоей свадьбы.

– Ой, какая свадьба! Никакой свадьбы.

Она прямо искрилась радостью.

– Подожди, я сейчас всё расскажу по порядку. Никак ничего не могу сообразить от неожиданности.

Мы сели на диван, закрытый от всех зелёными ветками и Галочка, крепко держась за мою руку, выложила всё, сбиваясь и перескакивая с одного на другое. Приехал сегодня утром её жених Борис, сказал, что не мог без неё Новый год встречать. Но она сказала, что передумала и отказалась от его предложения. Полный мрак! Никакие уговоры и убеждения не помогли. У неё появилась неожиданная твёрдость. Скандал, ругань. Но потом он сказал, что она если пока не шлюха, то будет шлюхой и сказал ещё, чтобы убиралась. А сам уехал «фиг знает куда», наверное, обратно в центр. А она пошла на бал всё с той же соседкой, которая одобрила её решение, в неясной надежде на что-то. Её чемоданы стоят у дверей, и она будет удивлена, если они не окажутся за дверью. Больше ей нельзя туда возвращаться.

Я поцеловал её тоненькие пальчики и сказал тоже радостно и совершенно искренне:

– Галочка, милая, оставим всё это на утро. Мы вместе сейчас и я тебя люблю. У нас с тобой целая новогодняя ночь, а у меня в кармане целая стипендия. Неужели нам её не хватит на одну ночь. Пусть она будет самой прекрасной ночью на этой земле, а утром будет той границей, от которой мы пойдём дальше, забыв то, что прошло.

Я смотрел в счастливые глаза и забыл, что где-то есть Марина, которую я любил.

Ночь прошла как сказка. А впрочем, я и не замечал ничего. Играл оркестр, сводя с ума плачущими саксафонами. Все кругом целовались. И я обнимал девушку до хруста косточек и целовал. Мы пили шампанское с небольшими перерывами, что-то говорили друг другу, говорили с другими людьми, были ещё какие-то поступки, встречи, брудершафты, но всё это не затрагивало меня. Со мной была только она. Это была сказка. Я был готов поклясться, что люблю Галю и не хотел, чтобы сказка кончалась.

Но это была сказка, пусть и наяву.

Бал кончился. Начинался Новый год. Мы пошли с Галей за её вещами и отнесли всё в гостиницу. К счастью, были свободные номера.

– Люблю, – прошептала она, когда мы, наконец, расстались.

Мы были вместе ещё два дня. Мне к четвёртому января надо было быть в институте. Решили, что она пока уедет к тётке, а там видно будет

– Лёня! Мы ведь ещё встретимся?

– Нет сомнений, радость моя.

– Я поеду с тобой куда угодно, на самый край света. Я люблю тебя.

– Я тоже люблю тебя, милая.

– У меня тяжело на сердце. Что-то беспокоит меня. Я боюсь, что мы расstaёмся навсегда.

– Это напрасно, Галчонок. Я люблю тебя. Ещё полгода и я буду готов к самостоятельной жизни. Я верил всему, что говорил.

Поезд у неё уходил вечером. Последний звонок. Галя кинулась ко мне на шею. Слезы, брызгавшие из её глаз, заливали моё лицо.

– Я чувствую, что вижу тебя в последний раз.

Она говорила правду.

Она махала мне рукой, пока проводник не отодвинул её вглубь вагона и не захлопнул дверь. Я говорил правду, что люблю её и, если бы мы не расстались так быстро, то не расстались бы никогда.

Наша любовь длилась несколько дней, а до этого я долго любил Марину. И когда вернулся в институт, меня раздвоило. Я рвался к Гале, но меня останавливала мысль, что это месть Марине. И что Марина рассмеётся, увидев нас с Галей, скажет, что быстро я утешился и никогда её не любил. А время шло. Галя писала через день. Я не отвечал. Потом письма перестали приходить. И я понял, что отомстил. Самому себе.

Джульба

*«...Мне припомнилась нынче собака,
Что была моей юности друг...»*

С. Есенин «Сукин сын»

По другому и не скажешь. Припомнилась – и всё. Ни с того, ни с чего. Без всяких причин. Был выходной день. Я стоял у окна и смотрел на заснеженную землю. Ночью мела метель, и земля превратилась в белую равнину. Одинокое прохожие с трудом пробивались по глубокому снегу, отворачиваясь и закрываясь от ещё не стихшего ветра, который рвал с ровного поля неокрепшие в массе снежинки и скручивал их в белые вихри. Что-то далёкое приятно грустное всколыхнулось в глубине затуманенного временем сознания и выплеснулось: мне ясно представилось заснеженное поле, позёмка, стог сена на опушке леса, лыжи и ружьё, прикорнувшие с подветренной стороны, и я со своей собакой Джульбой сижу в очищенном от снега сене и делю на двоих нехитрый обед однодневного странствия. Собака лежит рядом, спокойно, без нетерпения ждёт, когда я закончу вскрывать консервы, резать хлеб, колбасу... Разделив всё поровну, я на газете кладу еду перед Джульбой и говорю: «Начнём, пожалуй!» Не вставая, чуть пододвинувшись, собака, тщательно пережёвывая, съедает сначала колбасу, потом консервы и закусывает хлебом. Делает это всё значительно быстрее меня, отползает в сторону и отворачивается. Она не наелась, ей трудно смотреть на меня, а просить совестно. Она видела, что разделил я еду поровну. «Жулик», – тихонько зову я её. Она открывает один глаз. «Хочешь ещё? Да». Она моргает коричневым глазом и отворачивается. «Иди ко мне». Джульба встаёт, подходит. Я обнимаю её, она прижимается и мы, согреваясь вместе, доедаем остатки колбасы и дремлем в приятном расслаблении после длительного перехода.

Мне было лет десять, одиннадцать. Я жил с родителями в маленьком тихом городке, вокруг которого с двух сторон подступал лес, с двух других, среди оврагов поросших кустарником, сменяя друг друга, гнездились хутора и сёла. В лесах жили звери и птицы, в полях бегали зайцы, каждый второй мальчишка в душе был охотник. Любимыми развлечениями мальчишек и зимой и летом были лесные прогулки, где устраивались военные игры. Время было послевоенное. Немногочисленные книги про войну зачитывались до истирания букв. А ещё было кино. И среди фильмов – «Джульбарс». Пацаны с ума посходили от этой собаки. В то время было не до собак. Часто самим не хватало даже хлеба. И в наших мальчишеских головах мечты о собаках были несбыточными. На соседней улице у одного шофёра была немецкая овчарка. После очередного просмотра фильма о Джульбарсе, пацаны часами просиживали перед забором, за которым лениво прохаживаясь и гремя цепью, равнодушно смотрел на нас мощный свирепый зверь, от рычания которого сжимались наши маленькие сердечки. Мы до хрипоты спорили, кого из нас он сшибёт ударом лапы, сколько взрослых надо, чтобы его победить, и уходили только тогда, когда выходил хозяин и обещал задать нам трёпку.

Тот памятный для меня день остался ярчайшим воспоминанием полноты счастья. Была заснеженная осень, наверное, воскресенье. Я спал, когда почувствовал, что мне на шею опустилось что-то пушистое, а на лице своём ощутил частое горячее дыхание и ещё что-то мокрое, шершавое на щеке. Я открыл глаза. У постели стоял отец. А у меня на груди копошился какой-то тёмный тёплый комочек, который что-то искал, нюхал, и пытался найти себе местечко. Я схватил его в руки и прижал к лицу. Маленький щенок искал свою маму, шурился и пищал. Я кинулся к отцу на шею и ещё долго беспрекословно выполнял любое его поручение – указание...

Щенок оказался самкой. Я не знал и не хотел собачьего имени кроме Джульбарса. Мой старший брат, который был взрослым для меня в ту пору, посоветовал назвать щенка Джуль-

бой. Это было что—то и противоречие, разрушающее всю мою радость, исчезло. Я гордо стоял рядом со щенком, который глотал подслащённую воду и хрустел чёрствыми корочками ещё не зная, что есть на свете пища более достойная его способностей.

Джульба спала рядом с моей постелью. Первые дни я был настолько взволнован, что просыпался от её малейшего писка и вскакивал, то меняя воду, то доставал припрятанный кусочек хлеба. Я почти позабыл своих друзей, а если они заходили ко мне, выносил щенка и тот, весёлый и довольный общим вниманием, выделял такие фортели, что все мы покатывались от смеха и удовольствия.

Джульба не имела почтенных родителей. Мать была симпатичной дворнягой, отец остался неизвестным. Но росла она преотлично. К весне вытянулась, чёрная сверху, с белорыжим передником на груди и серыми лапами, Джульба неслась стрелой на мой зов, кидалась с разбега на грудь. Я часто падал от её напора, и мы возились с ней на земле довольные и весёлые. Большие уши у неё стояли топориком, когда она слушала меня, и опускались, когда ей что-то надоедало в моих разговорах.

Той весной я пережил три ужасных дня. До сих пор я не знаю с чем их сравнить. Но что-то похожее испытал, когда потерял любимого человека. А тогда я не знал, что может быть хуже случившегося. Джульба пропала.

Я метался по переулкам, заглядывал в каждый двор, кричал, плакал и уже не помню, как успокаивали меня родители. Джульбы не было. Я заболел. Меня трясла какая-то лихорадка, и в бреду я звал Джульбу. На четвёртый день Джульба примчалась с обрывком верёвки на шее, кинулась ко мне и что-то скулила, скулила, видимо передавая мне свою тоску. Я целовал её в горячую морду, обнимал и успокоенно уснул вместе с ней. Никто дома не сказал мне ни слова за то, что я сплю с собакой. К утру болезнь моя пошла на убыль. Джульба успокоилась и прыгала на всех домашних, радуясь и ласкаясь.

Обучать собаку разным хитрым командам я не умел. А кроме меня ей никто не занимался. И всё же очень быстро Джульба научилась здороваться правой лапой, сидеть, вставать, бежать по команде. Как она научилась понимать меня, мне и сейчас неясно. Я только помню взгляд её умных глаз, когда она смотрела на меня и, казалось, говорила: «Ну, скажи, что тебе хочется, а я уж постараюсь». Так мы с ней и жили, почти не расставаясь. Что она делала, пока я ходил в школу – не знаю. Но после школы Джульба не отходила от меня. Если я был занят, она грустила, но молчала. Но стоило мне подмигнуть, как она вскакивала, тихо повизгивала, бежала к дверям, обратно, хваталась зубами за мою одежду и тащила на улицу гулять.

Когда ей было около года, мой брат взял на охоту нас обоих. С Джульбой творилось что-то невероятное. Новый мир открылся перед ней, и она носилась по кустам и болотам, спугивая уток, и прочую болотную живность; где-то нашла зайца и гонялась за ним по всему урочищу. Выскакивала на минуту к нам, улыбалась белозубым ртом, визжала и, просительно взглянув, снова скрывалась. Бедная Джульба. Она не понимала, что в дальних походах надо беречь силы. К вечеру она настолько убегалась, что не могла идти. Уже не отходя от нас ни на шаг, она плелась, спотыкаясь всеми четырьмя лапами и ложилась, как только такая возможность появлялась. И когда на исходе из леса неожиданно прямо перед нами даже не выскочил, а вышел заяц и неторопливо поковылял через полянку, Джульба тоскливо повела мордой в его сторону и отвернулась. Ей было ни до чего.

С этого дня Джульба стала охотницей. Она не была такой быстрой, чтобы догнать зайца, но ей очень нравилось погонять его. Она не умела делать «стойку» на птицу, но радостно тьякала, когда чувствовала её. Ничто не стоило ей сплавать за подбитой уткой или облаять бурундука. Она вся расцветала, очутившись в лесу и, окрепнув, стала неутомимой.

Я подрос и тоже стал охотником. Вместе с Джульбой я скитался по лесу зимой и летом, весной и осенью. Непогода нас не пугала. Лесные тропинки в округе стали знакомы, как родная

улица. Проходя по лесу, везде встречал я что-нибудь знакомое, памятное. Джульба тоже прекрасно ориентировалась и, бывало, мы часами не видели друг друга в лесу и неожиданно встречались на какой-то полянке к великому удовольствию обоих. Обычно она выскакивала на меня с лёгким рычанием, как бы сердясь за то, что я её не зову и не подаю голос. А я её обзывал проказницей и вертопрахом, который забыл о друге ради своих удовольствий. Она обижалась и начинала лаять. Я вынимал кусочек сахара. Лай прекращался. Мгновенно Джульба вставала передними лапами мне на грудь, заглядывала в глаза. Сахар она любила больше, чем колбасу.

Только один раз мы потерялись. Был хмурый осенний день. С перерывами моросил дождь. Мы потерялись в мелком березняке, и Джульбу проглотило мокрое безмолвие. Время перешло пору привала и обеда. А в обед мы встречались обязательно. Не успевал я присесть на удобное место и раскрыть сумку, как рядом трещали кусты. Это мой зверёныш напропалую ломился ко мне. А в этот раз Джульбы не было. Я свистел, кричал: нет! Было немного грустно. Живность вся попряталась, мокрые опавшие листья тихо проминались под ногами, с капюшона скатывалась редкими крупными каплями вода. День начинал клониться к вечеру, когда я вышел на широкую прямую просеку. Вдали на просеке по направлению к дому мелькало тёмное пятно. Кричать было бесполезно. Я выстрелил в воздух. Пятно остановилось и затем с невероятной быстротой полетело ко мне. Отчаявшаяся найти хозяина, собака с разбега прыгнула на меня, и мне пришлось поймать её на руки и мы повалились на землю. Сердечко её колотилось так сильно, что я боялся, как бы оно не выскочило из груди и мне пришлось несколько минут нашёптывать ей всякие ласковые слова, пока бедное животное не успокоилось. Собака так радовалась, так ласкалась, с такой любовью смотрела на меня, что мне и сейчас кажется, что более верного друга у меня не было из всего живущего на земле. Я тогда был студентом, уже был взрослым и в рюкзаке носил четвертинку на всякий случай. Успокоив Джульбу, я накормил её и отдал весь запас сахара, а сам выпил с ней на брудершафт, поцеловав в мокрую морду.

О! Она всё понимала.

Джульба прожила у нас десять лет. Когда я стал студентом, и надолго уезжал, она в день отъезда ходила грустная или сидела и смотрела молча, как я собираюсь. Я, прощаясь, тряс её добрые лапы, а она моргала и молчала. Но сколько радости было в её уже глуховатом лае, когда она встречала меня у калитки при возвращении на каникулы...

В один из моих приездов Джульба меня не встретила. Она была очень доверчива к людям. И когда она одна ходила гулять в лес, на опушке так любимого ею леса, Джульбу застрелил пьяный ухарь, хваставшийся перед такими же друзьями новым ружьём.

Бельская

I

По православной земле России шагали святки. По ночам в поднебесье и по земле шастали бесы и смущали добрых людей. Ангелы как могли, защищали праведников. Но православные обоюбого пола пили вино, вкусно закусывали и веселились. Студент третьего курса Леонид Сугробин в читалке тяжело захлопнул книгу по гидравлике и посмотрел на часы. Восемь. По его графику учебники закрывались. Можно было переходить к беллетристике. Полгода назад Леонид круто развернул своё будущее, покинув после окончания второго курса морское училище в Ленинграде и поступил во вновь открывшийся институт в Перми. В Пермь его уговорил поехать корешок-курсант из этого города, также разочаровавшийся в выбранной профессии. В институт их приняли, но несколько предметов надо было в течении года до сдать. И потому время у студента Сугробина было спрессовано по минутам. И ещё он не прекращал начатую в училище программу самообразования. Но сегодня внутренний голос отнекивался от навязываемой программы самообучения. «Ладно!» – сказал уже сам себе Сугробин, – поленимся сегодня. Видел объявление, что в актовом зале какой-то концерт. Туда и заглянем». Он защёлкнул крышку балетки и пошёл туда, где развлекают.

В актовом зале действительно был концерт самодеятельности. Людей, в основном студентов выступавшего факультета, было ползала. И всё шло достаточно заурядно, пока ведущий не объявил, что выступает Ольга Бельская. Раздались аплодисменты. На сцену вышла тёмноволосая девушка и запела известную арию из известной оперы.

«Ох, истомилась, устала я. Ночью и днем, только о нём...». Пела девушка хорошо, чувствовалась школа. Бурные аплодисменты были ей наградой.

Прослушав ещё несколько номеров, Леонид покинул зал, и шел по коридору, размышляя о том, куда ему податься, пока время ещё детское. Хорошо бы встретить друзей!? Но где их встретишь. Друзей у него в новом городе было мало и их надо было разыскивать, а где разыскивать – было неясно. И увидал одиноко стоящую певунью и его вдруг повело.

– Извините, девушка. Я Вас видел на сцене. И не для меня ли Вы пели, не по мне ли Вы истомились. Я действительно долго пропадал в другом городе, прежде чем нынче появился перед Вашими глазами.

И прежде, чем она собралась его отчесать (а это было понятно по наполнявшимся яростью глазам), он извинился перед ней, сказав, что ему очень понравилось её пение, и она сама тоже очень понравилась. И попросил разрешения здороваться с ней при встречах. На что получил благосклонное разрешение, смог представиться и при прощании унести её приветливую улыбку.

Оля ему понравилась. Но было видно, что она кого-то ожидала, и он поспешил уйти.

– Я покидаю Вас, унося в сердце надежду на скорейшую встречу для того, чтобы сказать Вам: «Буэнос айрес, синьорита!» – сказал он и поклонился. Она махнула ручкой и приветливо улыбнулась.

Спустя час он продолжал бесцельно идти по улице Карла Маркса, украшенной неярким светом немногочисленных неоновых вывесок и реклам. Ужин из двух сосисок и французской булки лежал в балетке, но ни есть, ни в тёплую постель ему не хотелось. Леонид остановился на площади у оперного театра и закурил. Навстречу ему по аллее шла молодая женщина в «стиляжей» шубке и сапожках. Это была Оля. Она улыбнулась.

– Буэнос тардэс, синьорита!»! – поклонился Лёня.

– Где Вы изучили испанский язык? – спросила Оля.

– Это португальский. До сегодняшнего вечера, когда Вы признались, что истомились в ожидании меня, я готовился для профессии международных общений. И по полсотне слов меня обучили на десятке языков.

– У меня таких познаний нет, и я просто скажу: «Добрый вечер».

– А я безумно рад, что, обозначавшаяся весьма туманно, наша встреча состоялась так быстро. Я шёл совершенно бесцельно и вспоминал, как Вы пели, и эти минуты между нашими встречами были наполнены Вами. Я почти ещё никого по-настоящему не знаю в этом городе. Ещё и полгода не прошло, как я здесь появился. И сразу целина, и занятия свыше макушки, да ещё самостоятельные самообразовательные программы, и досдавать кое-что надо. На приятные знакомства никаких минут не остаётся.

– «Приятным знакомством» Вы называете встречу со мной!?

– Любой мужчина знакомство с Вами назовёт приятным. А я тем более, так как знаю, что Вы не только очаровательная девушка, но ещё и прекрасная певунья. Но я, конечно, далеко не первый, кто сказал Вам, что Вы очаровательны.

– Это так, но Ваши слова мне приятны, если они искренни, а не стандартный штамп человека, как видно, кое-что повидавшего.

– Кое-что я действительно повидал. Суровое море, к примеру; арктические льды, дворцы, музеи и театры Ленинграда. А больше ничего и я сейчас совсем ещё малообразованный провинциальный подражатель стилиг.

– Я тоже, пожалуй, подражаю, – отозвалась Оля.

– Тогда почему поёте грустные арии, а не лихие песни. Вам бы репертуар Лолиты Торрес, был бы бешеный успех. А так и арии грустные и сами в грусти от спетого. Наша подкорка остро реагирует на содержимое наших мыслей.

– Я грустный романтик по внутреннему содержанию.

– Вот и познакомились, – улыбнулся Сугробин. – Я тоже романтик, только оптимистический. И такой чудесный вечер знакомит нас.

Зимние вечера сами по себе романтичны. А этот вечер просто зачаровывал... Было не по-уральски тепло. Лёгкие облака не скрывали луну и опускали на землю редкие мягкие снежинки. Романтик разыгрался в Леониде.

– Хочется петь, – заявил он.

– Очень даже интересно.

Затуманилось к вечеру.
Снег кружит над землёй.
Не весной тебя встретил я,
А холодной зимой.
Ты такая красивая
В этот вечер январский.
Ты за смелость прости меня,
Из какой же ты сказки? (фольклор)

Он пел негромко, держал мелодию. Оля улыбалась. Минорное настроение, с которым она встретилась с Лёней на аллее, исчезло. Мир был добрым и надёжным с этим неизвестно – нечаянно возникшим парнем в её ауре. Оля жила с родителями в двухэтажном доме дореволюционного стандарта и постройки недалеко от городского сада. На прощании он поцеловал её пальчики, а она стукнула его по шапке перчаткой.

II

Двадцатилетняя девушка Оля Бельская, студентка третьего курса, готовилась к зимней сессии. Дома никого, кроме неё, не было. Она просмотрела собственные записи лекций, закрыла глаза для повторения текста зрительной памятью и, беззвучно повторяя технические термины, вдруг произнесла: «Буэнос Айрес, синьорита!» Произнесла и открыла глаза. На открытой странице тетради была крупно выведена формула с определённым интегралом и только. Никаких упоминаний о синьорите. «Надо же!» – встряхнула головой Оля, поднялась и подошла к трюмо, рассматривая себя во весь рост.

– Буэнос Айрес, синьорита, – произнесла она, делая реверанс перед зеркалом. – Буэнос Айрес, Аргентина. – И добавила, – вот ведь, чёрт, привязалось.

Студента Сугробина Оля помнила только несколько минут перед сном в день знакомства. Она жила насыщенной жизнью, в которой не было места случайным знакомым. Она училась, музицировала и пела, каталась на коньках и была наполнена всепоглощающей любовью, как ей думалось. Только объект её любви находился в далёком лагере строгого режима. Они учились вместе с первого класса и дружили с того же времени, как только их усадили за одну парту. И влюбились друг в друга и любили, и ничто им не препятствовало. Но жизнь прожить, пусть это стандартно, действительно не поле перейти. На загородной прогулке, при переходе поля, юной парочке встретились подогретые алкоголем трое добрых молодцев. Двинули они её друга палкой по голове и поволокли девушку в кусты. Но не робкий оказался паренёк. Очнулся от удара, вынул из кармана складенёк, догнал, растягивающих на земле его девушку полузверей, и воткнул нож в шею первому, который держал Олю за ноги. Тот только хрипнул и повалился набок. А мальчик, не останавливаясь, с размаху полоснул второго поперёк испуганной хари, и кинулся за третьим, который отпустил руки девушки и бросился бежать. Залитая кровью порезанных сволочей, Оля беззвучно плакала, обняв белую берёзку. А потом приехала милиция, и всё закончилось как в плохом детективе. Складенёк был охотничьим с достаточно большим лезвием и первому насильнику, попавшему под удар, лезвие перерезало артерию, и он умер от потери крови. Второму нож рассёк лицо от правого виска через глаз и нос до левой скулы. Лицо было изуродовано, и глаз вытек. А изнасилования не произошло! То есть, вроде и драки не было, а было неоправданно жестокое нападение психически ненормального на трёх спокойно отдыхавших на природе людей. Десять лет получил Олин паренёк. И она на суде поклялась, призвав Бога в свидетели, что будет ждать его. Что только он будет её мужем. Всё это случилось полтора года назад. Но этого Сугробин никогда не узнает. И, закончив институт, останется в полной уверенности, что женские поступки не для мужского понимания.

Буэнос Айрес, синьорита! Оля была молода, красива, романтична. Она поклялась выйти замуж за того милого, далёкого. И она сдержит клятву. И любовь переполняла её, но отдать её она своему любимому не могла. И томительно неосознанно ждала какого-то выхода и когда пела свой любимый романс – арию, то это была чистая правда. Истомилась она. Нерастроченная весна алым маком цвела в её груди холодной зимой.

Тебе двадцать, а мне восемнадцать...

Не года, а жемчужная нить.

Коль не нам, так кому же влюбляться?

Коль не нас, так кого же любить! (студенческий фольклор)

Оля пропела куплет громко, с чувством. Улыбнулась ещё раз себе в зеркало и решила поехать в институт, в читалку. «Буэнос Айрес», – пожелала она своему отражению.

Оля спустилась в гардероб главного корпуса и увидела Сугробина, прихорашивавшегося перед зеркалом. У него что-то не получалось с высоким коком и он морщился.

– Привет, – сказала она Сугробину, появляясь рядом, – извини, я не успела выучить португальский и не знаю, как сказать «добрый день» по-португальски.

– Оля! – выдохнул Леонид. – Как хорошо, что я тебя вижу.

Было видно, что он действительно искренне рад встрече.

– Очень приятно видеть, что тебе рады.

– «Буэнос диас, синьорита». Я купил билеты в кино, специально для тебя. Американский фильм «Рапсодия» с какой-то кинозвездой в главной роли. В семь тридцать вечера в «Художке».

Оля собиралась сказать, что у неё дела, и она не может, но сказала —

– Хорошо. В семь часов у кинотеатра.

Молодая и красивая Элизабет Тейлор крупным планом на широком экране роняла натуральную слезу. Леонид посмотрел на Олю. Такие же слезинки выкатились из её глаз. «Ох истомилась устала я...», – припомнилась ему грустная ария и весь её печальный образ в минуты знакомства. «У всех свои страдания в двадцать лет», – подумалось ему, и он легонько пожал Оле руку. Она посмотрела на него как-то виновато и улыбнулась, сжав его пальцы в ответ.

Фильм являлся мелодрамой среднего содержания, но всё было красиво, трогательно и Оля показалась Сугробину похожей на Элизабет.

– Ты похожа на Элизабет, – сказал он ей, когда они шли после сеанса.

– Чем же?

Такая же красивая.

– Не надоело. Вчера весь вечер повторял.

– Тебе что, надоело слушать.

– Нет.

– Тогда я тебя поцелую, – сказал быстро Леонид и также быстро повернул её к себе. Звук сочного короткого поцелуя раздался в морозном воздухе.

– Ну вот, теперь ещё и простуда на губах выступит, – задумчиво произнесла Оля, – вот тебе за это. – И также коротко и сочно поцеловала Леонида...

– Давно не целовалась, – говорила она, отрываясь от него. Они стояли в тени заиндевшего старого тополя у её дома. – Но ты не задирай нос, не думай, что пленил с первого взгляда. Просто моё желание и ты сошлись в одно время в одном месте. И потому мы стоим и целуемся. А завтра, возможно, я и замечать тебя не захочу.

– Но это будет только завтра, – ответил Леонид и привлек девушку к себе.

III

Сессия началась 30 января и прошла блестяще для Сугробина, как никогда. Он все пять экзаменов сдал на отлично, обрубил хвосты, похвастался успехами попавшейся навстречу Бельской, сказал ей, что его не будет две недели, и уехал в лыжный поход по Южному Уралу. Бельская только и успела крикнуть вслед: «Скажи, как по-португальски «Прощай навсегда!» Лёнька не слышал. «Балбес!» – обругала его Бельская, но почему-то ей стало грустно на мгновение.

Ольга Бельская и Леонид Сугробин учились на разных факультетах и в смутный период становления института время сессий и каникул у них не совпадали. Он сдал сессию и отвалил в турпоход, а она училась. Потом она заметила, что группа из похода вернулась, а Сугробин не объявился. Она говорила себе, что он для неё никто и злилась, что думала о нём. Он тоже не забывал о ней, но был поход, была необходимость съездить к брату в Горький и навестить родителей. Родителей навестить не удалось, и от этого ему было неудобно. Но пока он ехал из Горького в Пермь, сумел написать отцу Ивану Макаровичу длинное письмо со всеми подробностями прошедшего отрезка жизни и успокоился. Вернувшись в институт, Леонид первым делом нашёл Бельскую и, не позволяя ей рассердиться, объявил, что через три дня ему исполняется двадцать лет.

– Так! – сказала Оля. – В общагу к вам я не пойду. На ресторан денег у тебя нет. Какие у нас ещё варианты?

Сугробину было грустно, грустно.

– Не грусти. Придёшь ко мне, и будем пить чай с пирожными.

– Отлично, Олинька, – сказал Сугробин и пришёл к Оле с тремя розами и бутылкой шампанского.

Весенний семестр прошёл легко по накатанному ритму. Спортсмен Сугробин выполнил в апреле гимнастические нормативы на III разряд. И в середине этого же апреля тренер по боксу отобрал команду и повёз её на дружеские бои в Закамск. Там первый официальный бой провёл Леонид. «Победу по очкам одержал Леонид Сугробин!», – объявил рефери и поднял вверх Лёнькину правую руку в перчатке. В мае ещё три боя с новичками на межвузовских соревнованиях. Ещё три победы и в послужном списке появилась запись, присвоен третий разряд. Тренер, маленький преподаватель с факультета физвоспитания пединститута, с перебитым носом, негромко говорил ему, поздравляя с первой спортивной ступенькой: «У тебя пойдёт. Сноровка есть. Удар отработаем нокаутирующий и в бой на разрядников. Выпивкой постарайся не увлекаться». После последнего боя Лёнька заявился в институт с горящим ультрафиолетовым фингалом на левом глазу. Бельская, встретив его в коридоре, отскочила к другой стене и закричала: «Не подходи ко мне, хулиган! Пока не смоешь – не подходи». «Шрам на роже, шрам на роже для мужчин всего дороже», – отозвался улыбчивый Лёнька, но Бельской уже и след простыл. С этой девушкой студенткой у студента Сугробина складывались очень непростые отношения. Они, бывало, целовались в институтском скверике на глазах у всех. И также, принародно, не замечали друг друга на другой день. «Не из-за чего» по Лёнькиным понятиям. Вот и сейчас!? «Не подходи!» А они собрались съездить в Воткинск на родину Чайковского. Видимо и поездка не состоится. Ему казалось, что никакого влияния он на неё оказать не может. Если она хотела его любить, то любила. А не хотела, то «не подходи, хулиган». И все дела. Звони не звони – не отзовётся.

Был май. А ещё в далёкие времена было подмечено, что когда всё становится «голубым и зелёным, то от любви не уйдёшь никуда...» В сквере перед оперным театром буйно распустилась сирень и белым дымом полыхали яблони. Сугробин с «фонарём», прикрытым свето-

защитными очками, и приятель из группы Володя Чашихин сидели на скамейке перед театром и ждали балеринок с репетиции. Тромбонист Максим, руководитель духового оркестра при институте в котором Леонид пытался освоить игру на трубе, и он же штатный оркестрант из оркестра оперного театра, выполнил обещание и познакомил их с двумя подружками из кордебалета.

– Ой, ой! Страшилище-то какое! Настоящий Верлиока, страшилище одноглазое, – закричали в унисон подбежавшие девушки в лёгких нарядных платьицах – сарафанчиках.

– И кто же это тебя, миленький? – спросила Галочка, симпатизирующая Лёне.

– Он с хулиганами подрался, защищая незнакомую девушку, – высунулся Чашихин. Лёнька показал ему кулак.

– А может он сам хулиган!? – засмеялась её подруга с лермонтовским именем Бэла.

Ребята встречались с ними только раз в официальной обстановке и обе стороны мало знали друг о друге.

– Ладно, девочки, успокойтесь. Лёня у нас боксёр. Только что разряд получил и фонарь в придачу, – пояснил Чашихин.

Все засмеялись.

– Ой, а мы устали. Вы же знаете, что «Жизель» готовится к закрытию сезона и с ней на гастроли. Постановщик из Москвы. До судорог замучил.

– Тогда в кафе – мороженое. Будем ваши ножки мороженым массажировать, – включился Сугробин, и все весело отправились в кафе.

– А знаете, девчонки, – болтал Володька, постукивая ложечкой по пустой уже вазочке, – если Галочке этот парень с фингалом не по вкусу, то я найду другого, без фингала.

Балеринки смеялись.

– Мы и сами найдём, – сказала Бэла. – Только на что нам будущие инженеры с зарплатой в 900 рублей. У меня мама смеётся, когда папа свою получку ей отдаёт. Если бы мама завмагом не работала, то на что бы жили...

– А кто вас, миленькие, после тридцати восьми лет, когда вас на пенсию в пятьсот рублей спишут, кормить будет!

– А мы заслуженными станем.

– Да, Володя, – сказал Леонид, – не для наших плантаций эти ягодки. Принеси, пожалуйста, ещё всем по чашечке сливочного с сиропом и пусть мы им будем как запасной аэродром, пока они не выйдут замуж за полковников или не станут заслуженными и народными.

– К мороженому бы ещё шампанского, – мечтательно протянула Бэла.

– Отлично, – сказал Володя, – они согласны и все расходы на сегодня за мной.

– Ура студентам! – хором воскликнули балериночки.

– И чего я на Сугробина фыркнула. Подумаешь, синяк под глазом. Пусть другие думают, что ему по пьянке досталось. Я же знаю, что это не так. И он же мой парень, и я его люблю. Но синяк совсем некстати. Теперь в Воткинск, в музей Чайковского с таким синяком нам ехать нельзя. И нужен ему этот бокс. Правда, парень должен быть сильным. Не всегда же ножом резать! – размышляла Ольга Бельская у себя дома и последняя, нечаянная мысль кольнула её в самую глубину сердца, остро напомнив трагедию и беду защитившего её несчастного друга. Он как-то стал затуманиваться, расплываться после начала её любви с Лёнькой. Они с Лёнькой стали близки в его день рождения, состоявшийся через несколько дней после его возвращения из Горького, куда он уехал, не повидав её после похода. А она ждала его возвращения, удивляясь самой себе. И когда он появился и сказал, что ему через три дня двадцать лет, она пригласила его к себе. Он принёс шампанское. Родителей не было. Они танцевали под радиолу, любуясь собой. Он ласково её обнимал и целовал волосы.

– Странно, – сказала она, – всего фактически несколько дней, как мы знакомы, а я совсем, совсем твоя...

– «Ты моя, сказать лишь могут руки, что снимали чёрную чадру...», – ответил он словами поэта.

– Такними...

Она не забывала своего друга и обещалась дожидаться его. Но монашеский обет не давала. И всё же совмещённые мысли о двух близких ей мужчинах замутили чистоту её размышлений о Сугробине.

– Может это случайность, наваждение или как солнечный удар!? Пусть побродит со своим синяком один, а я, может, отойду от этого угара, – сказала она сама себе и чёрная грусть окутала её.

IV

Весенняя сессия года закончилась 30 июня. Учился Леонид старательно, а сдавал в этот раз не блестяще, Но экзамены это и лотерея, и настроение преподавателя, и твоё личное настроение. Отличная оценка была у него всего одна. Но поскольку стипендию давали всем успевающим, то огорчений из-за тройков тоже не было. Тройки были оценкой настроения, а не знаний. Леонид знал, что все предметы он знает на очень «железные» четвёрки. И понимал, что предмет изучил и мог применить полученные знания на практике. А отличную оценку он получил, готовясь к экзамену под оперу «Кармен». Он был в общаге один и перечитывал конспекты. Негромко звучало радио, создавая фон. И вдруг диктор объявил: «Внимание! Начинаем передачу оперы Ж. Бизе „Кармен“. Партию Хозе исполняет Марио дель Монако, партию Кармен Ирина Архипова». Это было нечто и незабываемо. Леонид все три часа передачи сидел в блаженном состоянии. А после ему показалось, что повторять ему ничего не надо и утром вошёл на экзамен в первой тройке и получил «отлично».

В зачётке стояла печать и запись о том, что имярек переведён на четвёртый курс. Все долги по до сдаче экзаменов были закрыты. Сугробин выдержал самим придуманный не простой жизненный экзамен. Далее предстояла нормальная учёба без перегрузок и начиналась она заводской практикой по технологии металлообработки. Леонид с десятком ребят из группы был определён на механический завод оборонного министерства. Он не имел никакого названия и просто был «Механический завод п/я (почтовый ящик) В обозначенные годы все чем-то связанные с оборонными заказами предприятия, даже швейные, выпускавшие вещмешки для красноармейцев или обмотки, были в целях сохранности государственной и военной тайны, обозначены номерами. У предприятия был забор, была проходная, в которую входили и выходили люди и всё. И жившие рядом граждане, если не были любопытными, не знали и не подозревали, что за этими проходными происходит. А если человек на вопрос «где он работает?» отвечал, что на «почтовом ящике», то его более никто не расспрашивал, чтобы не иметь неприятностей от своего любопытства. Этот режим секретности в стране победившего социализма был оправдан. Враждебное окружение никогда не скрывало своего интереса к тому, где и что в Советском Союзе делается. Завод располагался вблизи университета и был незаметным, не шумел на весь город своими турбинами, а спокойно выпускал для народного хозяйства механическую мотопилу «Дружба», а в момент практики – комплектующие узлы для самолётов КБ Антонова. Студентов оформили самым настоящим образом: сфотографировали в заводской фотографии, вклеили эти фотографии в фирменные пропуска, а пропуска вложили в специальные ячейки в проходной. И каждый должен был нажать кнопку с номером своего пропуска и пропуск выкатывался прямо в руки военизированного охранника, который внимательно смотрел на фотографию и на имярека и, убедившись, что фотография напоминает оригинал, открывал турникет.

В выходной день во время июльской практики четверо друзей Клещёв (бывший курсант), Чашихин, Сугробин и Руденко строго мужской компанией рыбачили с плотов на Каме. На мальчишник не пришли Зосим Пахтусов и Женька Крюков, сославшись на дела, более важные. Огромные плоты пришли с верховьев и стояли связанными у левого берега между железнодорожным мостом и речным вокзалом. По руслу реки проходили белоснежные теплоходы. С них звучала музыка. Ребята притащили найденный на берегу лист железа, развели на нём небольшой огонь и пекли пойманную рыбёшку. Плоты покачивались от набегавших волн и скрипели. Солнце стояло в зените, было жарко. Устав вылавливать рыбку, ребята купались, загорали, травили анекдоты. Обыкновенный крымский портвейн «Три семёрки» способствовал добродушному настроению. Рыбка для закуски подходила мало, и ребята закусывали консервированными крабами в собственном соку и мягким батоном.

– Скоро, похоже, и крабы кончатся, – проговорил Стасик Руденко. Ему в этот раз было поручено купить вино и еду. – Спросил продавщицу, чем бы закусить бедным студентам. А она говорит, что ничего нет. А я ей говорю, что всегда крабы стояли на всех полках.

– Ладно, говорит, студент, выдам я тебе пяток банок, закусите. Может быть, и крабов, как и всего остального, скоро не будет и будете только вспоминать, что такую вкуснятину не ели.

– Ну, наша компания крабов не обижала, – откликнулся Чашихин, заедая прекрасным дальневосточным крабом в собственном соку стакан портвейна.

– Да и хрен с ними, этими крабами. Зато на ледовитом океане ввели в строй действующих ледокол «Ленин» с ядерной силовой установкой. Теперь на северный полюс на корабле можно доплыть. Сугробин и Клещёв море бросили. Заскулили: девушки не дожидаются!». А ведь для вас корабль строили. Что скажешь, Лёня? – задал вопрос Руденко и хитро прищурился.

Сугробин молчал, закулив сигарету. Крабы действительно стояли в магазинах, в которых уже ничего другого не было. За какие-то три года правления Хрущёва все продукты с полок магазинов были сметены. Сметало их то ли невидимым и не слышимым ураганом, то ли языком неведомого животного. Корове так сделать это было не под силу. Трудящиеся получали минимум продовольствия путём распределения по предприятиям, остальной люд получал необходимые калории через столовые и прочие точки общепита или через рынок. Последние года полтора на полках стояли ещё крабы и печень трески. Весной пропала печень. А теперь и крабам пришёл конец. В августе, когда студенты начали работать на стройке, крабов нельзя было купить нигде. И уже никогда они не появлялись в свободной продаже. И Леонид Иванович всегда гордо говорил при дружеской выпивке в будущих бескрабовых десятилетиях, что всегда закусывал крабами, пока они продавались свободно и очень дёшево. Он быстро воспитал себя самообразованием в человека, который не только начал понимать жизнь, но и не пропускать в жизни приятное.

– Что молчишь, Леонид? – поддержал Станислава Чашихин.

– А что говорить! Если думать о Родине, то ледокол очень хорошо. Но и крабы в свободной продаже неплохо

– И всё-таки ни какую-то стройку я не пойду, – заявил Клещёв, выпуская густой клуб дыма. – Достану справку, что нужно курортное лечение, маманя сделает, и кукиш нашему руководству. А то коммунизм нашими неопытными руками строить придумали. Или ещё в Свердловск отвалю.

– Я тоже справку по болезни могу сотворить, – вступил Чашихин.

– Вы много-то не заговаривайтесь, скажи им Лёнь, – остановил их Руденко. – Загреть совсем из института можете. И мигнуть не успеете, как военкомат за вами придёт. Прямо в октябре месяце.

Сугробин в разговор не вмешивался. У него не было мамани, которая достала бы ему освобождающую справку. У него не было денег, чтобы купить шмотки. И вообще, покинув училище, он надел на себя хомут со многими обязанностями. Балыбердин писал, что жизнь с третьего курса пошла стабильная. Понимал, что в училище ему было бы лучше и в настоящем и будущем, где его ждала стабильная работа и карьера. Только была бы у него в будущей жизни ждущая и верная жена, он представить не мог. И он знал, что пойдёт на стройку. И будет там вкалывать как можно лучше, чтобы подзаработать. Но на душе было беспокойно. И только спустя много лет, когда он окончательно поверил в высший разум и в то, что случайностей в жизни не бывает, только тогда Леонид пришёл к некоторому успокоению. Потому что его по жизни вёл не его взрывчатый характер, а высший разум, которому было так надо!

Сугробин предполагал перед практикой, что после неё отбудет на каникулы. Но институту надо было что-то строить, и их курс задержали на строительство. Декан и проректор убеждали, взывали к гражданскому долгу и угрожали. Сошлись на том, что студенты будут работать август и сентябрь, и им будут платить зарплату дополнительно к стипендии и зачтут строитель-

ную практику. А остальные курсы и факультеты поедут на картошку, целину и без зарплаты. «Твою мать в социализм!» – первый раз выругался Сугробин. – Это всё «кукурузник» наворочал со своим строительством Коммунизма для нашего поколения.

Но поворчали студенты и, добившись скидок от руководства, стали сколачивать бригады по интересам и умению. Пахтусов, Чащихин, Руденко, Сугробин и Крюков решили стать плотниками. Не было с ними только Клещёва. Он принёс в деканат справку о непонятной болезни, которая требует длительной диагностики. Потом заскочил в общежитие к Сугробину, сказал, что поедет переводиться в Свердловск и исчез. Исчезла Оля, поехав в Москву к тётке. Исчезли балеринки вместе со всей труппой, уехавшей на гастроли. Одинокая мужская бригада вкалывала без развлечений, стараясь вывести месячный заработок на тысячу рублей. Студенты пилили, рубили, колотили. Они делали опалубки под заливку бетоном фундаментов, ставили ограждения, налаживали мостки и пр. Направлял и учил всех Зосим. Сугробин, имея практику в отцовской бригаде, был у него правой рукой. И не будь Зосима, неизвестно чего бы все наработали. А так по кругу у всех получилось по тысяче восемьсот рублей чистыми. В последнюю декаду сентября студенты всем курсом не вышли на работу и истребовали себе выдачу зарплаты и недельный отпуск. Деканату пришлось согласиться.

Учебный процесс четвёртого курса был без перегрузок и оставлял студентам времени в достатке на отдых, занятия спортом, развлечениям и дополнительному самообразованию для желающих. Бельская и Сугробин были неразлучны. Зимой по выходным они выезжали за город, проводя целый день на лыжах. Один – два вечера в неделю катались на коньках. Когда Леонид уходил на тренировки, Оля занималась вокалом. В институтской читалке занимались вместе. Друзья по «кубрику» в общежитии назначали Сугробину даты свадьбы.

V

Новый год Сугробин встретил у Бельских. Оля сказала, что его приглашают родители, которые по установившейся традиции на этот праздник приглашали к себе родных и близких друзей. Леонид ещё не встречался с родителями Оли и не был с ними знаком.

– Предки сами решили посмотреть на субъекта, который не всегда до одиннадцати возвращает их дочь домой. Или ты решила проверить меня родительским взглядом? Думай, милая. Если смотрины состоятся, то мне ничего не останется, как влиться в группу твоих женихов. У родителей ведь есть такие наметки.

– Не болтай. Они у меня очень хорошие и добрые. И тридцать первого декабря я всегда в двенадцать дома, вместе с ними. Такая традиция.

Сугробин появился в доме за час до боя курантов с алыми гвоздиками. Дверь открыла хозяйка. Оля была похожа на свою маму и он, не боясь ошибиться, протянул цветы

– С наступающим Новым годом. Я Сугробин и пришёл по приглашению Вашей дочери.

– Наконец-то! – появилась вслед за матерью сама Оля. – Ждать заставляешь и беспокоиться. Мало ли чего в новогоднюю ночь случается.

– Не надо упрёков, Оленька, – сказала мама, поправляя в руке гвоздички, – раздевайтесь, пожалуйста, Леонид, и за стол. Проводим год уходящий.

– Дурь несусветная, – сказала Оля, помогая Леониду раздеться и привести в порядок перед представлением обществу. – Все истомились, ожидаючи. Целуй, и идём.

Полтора десятка мужчин и женщин чинно сидели вокруг праздничного стола, посматривая на крошечный экран телевизора первого поколения. И негромко разговаривали. Всем была известна трагическая история Оли, которая была общей любимицей, и появление её нового друга всех интересовало.

– Вот и последний званый гость, задержавший весёлый праздник, – сказала Оля, подталкивая Леонида впереди себя. – Знакомьтесь. Леонид Сугробин – студент четвёртого курса и мой друг.

– С наступающими шестидесятыми! – сказал Леонид. – И прошу прощения за ваше ожидание. Я не думал, что такая славная компания будет ждать одного. Это не соответствует русской поговорке.

– Стоп, стоп! – крикнула Оля, – не слушаем его. Он очень разговорчивый. Все за стол и начинаем.

Новогоднее застолье, как и все праздничные застолья похожи. Все поздравлялись, радовались будущему новому, надеясь, что оно будет радостнее и удачнее прошедшего. В двенадцать, когда пили шампанское, хозяин выключил свет и дал всем поцеловаться.

– Я люблю тебя, – шепнула Оля, обнимая Лёньку. Ей было необыкновенно хорошо, и всё былое покинуло её.

Леонид не был смущён родными и близкими его подруги. Оля была с ним и ввела его в круг своих близких. Им интересовались, расспрашивали. Он был достаточно подкован по всем направлениям благодаря своему самообразованию и отвечал на все вопросы, привлекая как можно больше юмора. Ровесница Оли, её двоюродная сестра, студентка пединститута, расспрашивая о прошлом Леонида, поинтересовалась: «А знаете ли Вы прошлое Ольги?»

– Зачем мне знать прошлое, если настоящее прекрасно, – ответил он. – У каждого есть прошлое. Но я живу только настоящим и будущим. Привлекая прошлое, ты уничтожаешь настоящее. А этого я не хочу.

– О чём это вы ведёте беседу? – подлетела к ним Оля, услышав слово «прошлое».

– О будущем, Олинька, – обнял её Леонид. – Твоя кузина считает, что всё в жизни определяет прошлое, а я её убеждаю, что только будущее.

– Я за тебя, – сказала Оля. – Потанцуй со мной. И погрозила сестре из-за спины Леонида. Родители Оли наблюдали за возбуждённой и радостной дочерью.

– Она совершенно счастливая с этим Сугробиным, – сказала мама, – смеётся, веселится. А как пела сейчас!? Сама страсть.

– Дай-то Бог, – ответил отец, – я так хочу, чтобы к нашей девочке вернулась обыкновенная жизнь.

В общезнании ребята привыкли к постоянному отсутствию Леонида и только подшучивали, чтобы он их на свадьбу не забыл пригласить. Лёнька отговаривался, но на зимние каникулы предложил Оле поехать с ним и познакомиться с Иваном Макаровичем и мамой Тиней. Она нашла предлог и отказалась. Он не обиделся...

VI

Свою мечту о посещении родных мест Петра Ильича Чайковского Сугробин и Бельская осуществили через год после задуманного. Они успешно сдали все зачёты и за неделю до сессии ушли в поход. Были первые дни июня. В сквере у оперного театра цвели сиреневые аллеи и среди них белыми парусами блестели яблони. От речного вокзала на просторы России уходили белоснежные лайнеры. Но сезон ещё не вышел в максимум, и с местами на теплоходы было спокойно.

– Слушай, Бельская! Ты плавала на теплоходах по рекам раньше?

– И не один раз. Школьницей с мамой, папой. До Ростова на Дону, до Астрахани.

– Везёт же людям. А я пацаном проплыл с отцом километров двести по Волге на открытой палубе и по-настоящему только сегодня поплыву первый раз.

– Значит у тебя всё впереди. Как хорошо быть молодым! Что ни день, то новые открытия и всё в первый раз.

– Да, моя милая. Я готов всегда встречать новое, кроме одного.

– Чего же?

– Я не хочу никаких новых женщин. Никого, кроме тебя. Пусть ты будешь для меня не изменяющейся и всегда новой.

Они сидели на лавочке, на берегу перед вокзалом в ожидании посадки. Лёнька сказал свои давно выношенные слова и смотрел на Олю. Она повернулась к нему и посмотрела долгим любящим взглядом. Она не давала ему говорить о совместном будущем и всегда уводила его начинания в сторону и боялась таких слов. «Оля, Оля! – говорила она иногда самой себе. – Что же ты делаешь? Ты так глубоко завлекла этого хорошего и ничем перед тобой не виноватого человека и готовишь ему непонятную для него разлуку. Он же не простит после этого ни одну женщину на своём пути. Надо поскорее придумать что-ни будь, и расстаться. Расстаться!?» Но сил для расставания у неё уже не было. Незаметно для самой Сугробин стал её неотъемлемой частью, был всегда в её мыслях. И любовь цвела в её душе. Они не часто встречались и были вместе, но какая была любовь в эти редкие встречи. Ей и не представлялось, что это будет прекращено по её обету. Ей не хотелось думать об этом. И Леонид как будто бы понимал её тайные думы и не затрагивал её разговорами о будущем, хоть на четвёртом курсе свадьбы шли одна за другой. «Ты моя, сказать лишь могут руки», – повторял он Есенинские слова, освобождая её от лишних одеяний. И ей было хорошо и плохо одновременно. И она была внутренне благодарна ему за его не многословие. И вот свершилось то, чего она боялась. Он заговорил о вечном. Она смотрела на Сугробина и понимала, что правдивее слов она не слышала и не услышит. Он был готов любить её всегда. Но ответить она не могла. Только обняла и поцеловала, прошептав —

– Не торопись говорить. Помни – Лермонтов сказал, что «вечно любить невозможно...» И услышав по радио приглашение на посадку, весело вскочила с места, – а вот и наш крейсер готов принять нас на борт. Побежали.

В лёгком голубом платье, расклешённом внизу, Оля крутнулась на полтора оборота, и юбочка взлетела вверх до пояса. Сугробин подхватил девушку на руки и прокрутился вместе с ней. Он тоже был одет по-летнему. В лёгких белых брюках и белоснежной рубашке Леонид был как зайчик перед зимой. И всех вещей у них было на двоих только лёгкий саквояж, где лежали его куртка, бритва с фотоаппаратом, Олина кофточка и сумочка с макияжными принадлежностями. Путешествие планировалось на две ночи на теплоходах и один день в Воткинске. Юные путешественники бегом пробежали по лестнице на причал и ступили на борт двухпалубного красавца. Волга и Кама обновили пассажирский флот и на смену дореволюционным колёсным пароходам с длинными скамейками на главной палубе для «чёрного» люда и купече-

ской роскошью верхней палубы, пришли двухпалубные и трёхпалубные современные лайнеры с уютными каютами наверху и такими же уютными ниже. Был социализм, и классовое различие старательно размывалось. Господ не существовало, и все были товарищи. Товарищ сталевар мог жить по соседству в каюте с товарищем министром или товарищем академиком. Была разница в цене между палубами, но незначительная. Под главной палубой в каютах вместо окон стояли самые настоящие иллюминаторы, за которыми плескалась вода. Цены на билеты в начале сезона были снижены и студенты Оля с Леонидом разместились в двухместной каюте на верхней палубе. Над ними была только капитанская рубка с рулевым и радиорубкой.

– Как прелестно! – воскликнула Оля, когда они вошли в каюту.

Сугробин кинул саквояж на диван и обнял девушку.

– У нас будет путешествие любви.

– Обязательно. Мне так радостно, я хочу веселиться, петь, бегать и прыгать. Давай выпьем шампанского!

Они вышли в ресторан. Официантка в белом накрахмаленном передничке открыла холодильник и налила два фужера прохладного «Советского шампанского», шипучего и очень вкусного напитка. Вино практически ничего не стоило. Власти воспитывали в населении отвращение к водке и «барматухе» и отдавали шампанское почти за ничего. Сугробин навсегда сохранил воспоминание о шампанском того времени и считал его самым лучшим из всех шампанских вин, которые ему привелось выпить в будущем. Даже французское шампанское по его мнению, уступало Советскому шампанскому пятидесятых годов. Оля и Леонид, не присаживаясь, дотронулись бокалами и пригубили. Теплоход мягко отодвинулся от причала и пошёл вверх по реке на разворот. Радио транслировало традиционный марш «Прощание славянки» Леонид обнял Олю за талию и они, улыбаясь смотрели друг другу в глаза и медленно пили прохладный шипучий напиток. А выпив, поцеловались. Поцелуи на людях в то, зашоренное для проявления чувств, время, были редки.

– У вас что, свадебное путешествие? – спросила официантка.

– Очень даже свадебное, – опередив Леонида, сказала Оля. – И мы намерены веселиться. И схватив Лёньку за руку и увлекая его за собой, бегом побежала на палубу.

Теплоход развернулся и пошёл вниз по течению красавицы Камы. И уже через несколько минут нырнул под железнодорожный мост, по которому над ним громыхнул проходящий поезд. Наступал вечер. Пассажиры, заполнившие теплоход разве что наполовину, выпили отвальный пососок и начали выползать из кают на палубу. Оля с Леонидом уже прошлись по верхней палубе от юта до бака с обоих бортов. Спустились на главную палубу и обследовав её, вернулись на верх. На корме под навесом стояли плетёные кресла и диваны. Оля уселась в кресло и сказала-

– Хочу озорничать.

– «И вышли из кают, на палубу, на ют, четырнадцать английских моряков... Идут они туда, где можно без труда найти себе и женщин и вина...», – пропел Леонид.

– Опять про женщин и вино, – сморщила носик Оля. И чего у мужиков на уме только вино и шальные бабы. Секс без любви – это что-то несуразное. Я не представляю, что могла бы обнимать тебя, не зная – кто ты и что ты чувствуешь, обнимая меня.

– Но портовые девушки не занимаются любовью. Они работают и что их осуждать.

– А я и не осуждаю. Я мужиков не понимаю. Напьются и лезут на всё, что шевелится.

– Что-то мы не туда, Оленька. Ты моя любовь и я весь для тебя, для твоей радости.

– А что такое «Ют»?

– Ют – это кормовая часть палубы по-голландски. Мы сейчас с тобой находимся на юте.

А «Бак» – передняя часть палубы у судна.

– Хорошо, что кое-что полезное знаешь. А то «идут они туда, где можно без труда...» Пойдём, погуляем ещё.

Они прошлись снова по палубе, постояли впереди. Вечер сгущался. На реке зажглись бакены, берега размылись тенями. На юте брэнчала гитара. Три молодых человека сидели на диванчике. Один из них отбивал на гитаре ритм и все нестройно пели про Колыму.

– Что-то грусто у вас песня звучит, – сказала Оля. – Не дадите ли мне гитару на минутку.

Кто из молодых откажет красивой девушке. Оля взяла протянутую гитару, подстроила её немного и запела:

На меня надвигается по реке битый лёд.
На реке навигация, на реке пароход.
Пароход белый беленький, дым над красной трубой.
Мы по палубе бегали, целовались с тобой.
Пахнет палуба клевером, хорошо как в лесу.
И бумажка приклеена у меня на носу.
Ах ты, палуба, палуба, ты меня раскачай.
Ты печаль мою, палуба, расколи о причал...

Оля пропела все куплеты и подала гитару ребятам

– Так будет, повеселей.

– Спойте ещё, пожалуйста, – ответили ей ребята хором. – У Вас так красиво получается.

И Оля запела. Романсы, песни, арии... Поставленный сильный голос звучал над притихшей вечерней рекой с неподдельным чувством, и тишина над рекой нарушалась только продолжительными аплодисментами после каждой песни, которыми награждали её все пассажиры теплохода и свободная от вахты команда, которые собрались на неожиданный концерт. Оля была счастлива, и всем своим видом показывала Леониду, что она поёт для него и он часть её. И чтобы все поняли как она рада и счастлива, что рядом с ней её любимый, она вдруг вскочила на скамейку и, толкнув своего друга гитарой, запела:

Виновата ли я, виновата ли я,
виновата ли я, что люблю.
Виновата ли я, что мой голос дрожал,
Когда пела я песню ему.
Виновата же ты, виновата во всём...

Она пела и смотрела только на него и улыбалась в песне. Он встал рядом и обнял её, смотря на неё снизу вверх. Он был счастлив с этой девушкой.

С правого борта раздался шум и грубый голос-

– А ну, пропустите нас вперёд.

Трое изрядно поддавших парней двадцати восьми – тридцати лет протискивались сквозь недовольную толпу. Впереди шёл крупный мужик ростом не менее 185см и массой за 90 кг. Он становился в метре от Оли, которая прекратила петь, не понимая происходящего.

– Продолжай, красотка, а я тебе подпою. «Что ж ты спишь по ночам, дорогая моя, ночью спать непростительный грех», – хрипло выдохнул он вместе с перегаром.

Оля посмотрела на Лёньку.

– Да брось ты смотреть на этого щенка. Он ещё тебя и обнимает, наверное, бесплатно. Ты знаешь, я сталевар, я такую деньгу лопатой гребу, что за неделю таких концертов для меня ты заработаешь на целый год. – И громила протянул длинную волосатую руку к Ольге и угрожающе кинул Лёньке, – отойди, щенок, жив останешься.

Народ суетливо рассыпался в стороны от певицы и её друга. Только боцман с матросом остались метрах в трёх позади от нарушителя спокойствия. Ольга с тоской взглянула по сто-

ронам и потом на Леньку. Он ещё обнимал её, но она видела всё неравенство ситуации. Страх и ненависть стояли в её глазах.

Боксёр второго разряда Леонид Сугробин, победивший в двух последних боях нокаутом, не раздумывал. Он не боялся драки и получения возможных побоев. К его любимейшей женщине тянулась грязная волосатая рука пролетария. Того самого, ещё не перевоспитанного по заповедям социализма. При своём росте в 170 см, и весе в шестьдесят два килограмма, Леонид явно не представлял для пристававшего препятствия и стоящего внимания соперника. Но Лёнька и не думал отойти от Оли и сдаваться. Он даже не расслышал слов громилы, обращённых к нему. «Чтобы победить, надо возненавидеть своего противника, – пронзили его мозг слова тренера, – вспылать к нему злобой раненого зверя, забыть чувства жалости, добра, человечности. Но сохранить при этом ясность ума и всю свою хитрость. И ты непобедим». Он видел тоскливый безнадёжный взгляд Оли и больше ничего не видел, ничего не слышал. Ярость и злоба захватила его. Всё тело напряглось и поджалось как тугая пружина. Лево́й рукой он отбросил хищную руку, а правой, которой только что обнимал Олю чуть ниже талии, вложив в неё всю силу напряжённого тела, ударил удивлённую физиономию прямо в подбородок снизу. Ойкнула Оля, крикнула о помощи женщина от борта. Удар был точен и силён и потряс громилу до основания. Но тридцать килограммов разности по весу удержали его на ногах. Не дожидаясь реакции противника, Лёнька снова сжал своё тело в пружину, развернулся и ударил снова всё в тот же ненавистный подбородок. Мешок костей и пьяного мяса повернуло, будто через его пятки прошла невидимая ось. И он рухнул, с глухим звоном ударившись головой о палубу. На помощь ему бросился второй сталевар, но он был равного с Леонидом веса и, получив удар левой под правую скулу, отлетел к борту.

– Надо всех, – мелькнуло у Сугробина в мозгу, и он бросился на третьего. Тот повернулся и побежал.

– Лёня, не надо, – взвизгнула Оля. Она вспомнила ситуацию, когда защитившего её друга осудили, и испугалась, не ухлопал ли её защитник нападавших.

Он вернулся к девушке. Она обняла его и заплакала —

– Сволочи, жить не дают. И убивать их не дают. Убьёшь – не отмоешься.

– Что с этими делать? – спросил боцман, не ожидавший такой развязки.

– Плесни на них по ведру заборной воды, очухаются.

– А ты силён, – сказал боцман и послал матроса за ведром с верёвкой.

На шум спустился капитан. Получив по паре вёдер холодной воды на головы, побитые очнулись.

– Ну, тебе, щенок, не жить, – пробормотал угрожающе громила, поддерживаемый двумя дружками. Лёнька махнул рукой.

– Снять их надо, капитан, на первой остановке. Составить акт, вызвать ментов, и сдать.

– А может, тебя надо снять за драку. Устраивают тут концерты, а капитан разбирайся.

– Мы сами сойдём, на первой остановке, раз вопрос так ставиться.

– Желание клиентов для нас закон, – буркнул капитан и ушёл.

VII

Остановка предполагалась через полчаса. Ребята сдали ключи от каюты, поставили на билетах «остановку» и сошли, провожаемые боцманом и проводницей, которая благодарила за концерт и костила на чём свет стоит бандитов. Остановка состояла из одного дебаркадера. Домов посёлка не было видно за высоким берегом. Следующий теплоход на остановку приходил через полтора часа. Леонид зарегистрировал билеты, и они пристроились на лавочке. Олю трясло. Она прилегла, положив голову Леониду на колени. Он прикрыл её курткой и тихо баюкал. Через назначенные полтора часа они сели на подошедший теплоход. Оля сразу же завернулась в одеяло, сказала, что уже спит, и оставила Лёньку размышлять об их судьбе одного.

Лёньку тоже кочевряжило. Получив адреналина сверх всякой нормы, ему не спалось, и он вышел на палубу. То, что он принял быстрое решение сойти и сесть на другой теплоход, было поступком, достойным мужчины. Круто пьяные и, по их мнению, обиженные, начали бы разбираться с обидчиком. А Оля ещё почему-то боялась, как бы он им крупно не навредил. Не за то беспокоилась, что ему достанется, а за них. Было в этом всё непонятно Леониду. Но с ментами у него встреч ещё не было, и он не хотел начинать встречи с ними вместе с Олей. Он курил на палубе. Впереди обозначилась пристань и теплоход у причала. Его теплоход причалил к борту стоящего и Леонид увидел, что это их первый теплоход, на борту которого ему пришлось быть очень счастливым и очень драчливым. На пристани менты усаживали в воронку одного за другим троих мужиков. На параллельной палубе проходил знакомый боцман.

– Что у вас случилось?

– А!?! Ты прав был, студент. Не прошло и полчаса, как вы сошли, эта братва пришла в себя, поддала в топку ещё водчонки для наглости и отправилась искать тебя. А ражий детина и нож с собой прихватил. Самый настоящий бандитский фонарь. Стучат во все каюты, рвут двери. На борту мат, грохот, детский плач. Мы с ребятами вышли, так они на меня: «Где боксёр? Сейчас из него жаркое делать будем». А потом на нас. Одному моему форменку рассёк. А дело как раз у пожарного щита было. Я схватил багор и по руке. Нож выпал, так я его, заразу, ещё по башке влупил. Потом связали, акт составили. А когда стали просить пассажиров акт подписать, все, как один, сволочи, по каютам разбежались. Ну да ладно. Если до суда дойдёт, вся команда в свидетели пойдёт.

– Про нас, надеюсь, не написали.

– Ума хватило. Капитан сначала морщился, но потом согласился про вас не упоминать. Им за один нож финский в достатке будет.

Лёнькин теплоход отдал швартовые, и пути кораблей разошлись. Воронка на пристани уже не было и по Лёнькиному размышлению всё заканчивалось хорошо. Леонид прошёл в каюту и, не раздеваясь, лёг на второй диванчик. Минутку он послушал ровное дыхание Оли и заснул, совершенно довольный собой.

VIII

Солнце ярко вливалось в окно каюты, когда Лёнька проснулся от нежного прикосновения к голове. Ему показалось, что ласковый ветерок пошевелил его волосы. Он открыл глаза. На его диванчике сидела Оля и гладила его по кончикам волос.

– Салют, милая!

– Доброе утро, милый.

– Какие мы с тобой милые, – не удержался Лёнька от обычных подначиваний над сюсюканьем.

– А что, нет! Вот и не буду тебя обласкивать. Лежи так, противный.

– Ладно, милая. У нас с тобой всё отлично.

– Я так рада, – сказала Оля, когда он посвятил её в продолжение ночных событий.

– А почему ты боялась за них, а не за меня.

– Я за них? Тебе это показалось.

– Тогда бреемся, чистимся и идём завтракать.

В ресторане клиентов не было. Две девушки – официантки скучали за столиком у бара. Далёкие пятидесятые – шестидесятые. Тогда не было специальных туристических рейсов по путёвкам и полным обслуживанием. Шли рейсовые теплоходы во все концы. И использовались они как водный пассажирский транспорт. Пассажиры с билетами туда и обратно запаивались провиантом и напитками на весь маршрут и пополняли его при необходимости на стоянках. В ресторане питались редкие командированные и такие же редкие пассажиры от пункта А до пункта Б. И потому, всё что ресторан выставлял в меню, готовилось по заказу. Для спешащих (Кому бы на теплоходе спешить? Разве что желающим опохмелиться), были консервированные закуски. Поэтому официантки заулыбались, увидев входящую парочку, которой не было при отплытии, и одна из них спросила —

– Кушать будем?

– Да! Мы выпьем шампанского и поедим по ломтику стерлядки – фри с жареным картофелем, – ответила Оля, скользнув быстрым взглядом на меню.

– Открой им шампанское, – попросила официантка подругу, – а я пойду, повара порадую.

Успокоившись оттого, что минуты гадости и часы тревоги закончились, Оля ворковала без остановки. Подняла бокал с шампанским и обняла Лёньку

– За победу! Знаешь, я никогда больше не буду смеяться над твоими «фонарями». Я думала, что твои занятия боксом это твоя забава. Я теперь буду целовать твои «фонари», чтобы они быстрее рассасывались. Дай потренируюсь. – И пригнув Лёнькину голову, поцеловала его в глаз. – А теперь выпьем, за нас выпьем.

– Так ты и руки мне будешь целовать. Посмотри, какие они пухленькие, ни одной костяшки не видно. Распухли после вчерашнего.

– О, мои милые руки. Они меня спасли. Я их целую.

Лёньку понесло.

– Ладно, графинюшка! Не надо целовать руки. Государь позволяет Вам выбрать мужа самой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.